УДК 94: 904(477.75)

С. Д. Лысенко, Е. И. Шкляревский, С. Н. Разумов, С. С. Лысенко

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК КОМАРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ У С.БУКОВНА (РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ 2010—2013 ГГ.)*

В 2010—2013 гг. совместной украино-польской археологической экспедицией были возобновлены исследования курганов эпохи бронзы у с. Буковна Тлумачского района Ивано-Франковской области, начатые в 30-е годы 20 в. В лесу к западу от села было зафиксировано пять курганных групп и несколько одиноко стоящих курганов. Ещё несколько курганов располагались на полях к югу от села. В целом могильник насчитывал в древности около 50 насыпей.

В курганной группе № 1 было раскопано три кургана, ещё один — в курганной группе № 2. Наиболее ранним среди исследованных является курган № 1 группы № 2. Курган может быть датирован концом III — началом II тыс. до н.э. и синхронизирован с блоком посткатакомбных культур и эпишнуровым горизонтом. Курганы, раскопанные в группе № 1, относятся к раннему этапу комаровской культуры и датируются в пределах второй четверти II тыс. до н.э. Все курганы этой группы содержали украшения из цветных металлов. Керамический комплекс составил более 60 сосудов. Насыпи курганов обеих групп содержали около 2000 кремнёвых изделий, датируемых от палеолита до эпохи поздней бронзы.

На памятнике были проведены геодезические, геофизические, палеопедологические, дендрологические, палеоботанические, палинологические, антропологические исследования. Проведены спектральный анализ изделий из металла и радиоуглеродное датирование.

Ключевые слова: тшинецкий культурный круг, комаровская культура, курганы, погребальный обряд, керамический комплекс, металлические украшения, кремневая индустрия.

Сведения об авторах: Лысенко Сергей Дмитриевич[1], кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии энеолита — бронзового века Института археологии НАН Украины; Шкляревский Евгений Игоревич[2], реставратор Фастовского государственного краеведческого музея, сотрудник Фастовской археологической экспедиции; Разумов Сергей Николаевич[3], кандидат исторических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко; Лысенко Светлана Станиславовна[4], кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологии энеолита — бронзового века Института археологии НАН Украины.

Контактная информация: 04210, Украина, г. Киев, пр-т Героев Сталинграда, 12, Институт археологии НАН Украины; тел.: +380 (44) 418-27-75, +380 (44) 418-33-06, e-mail: suraganga@yandex.ru[1]; 08500, Украина, г. Фастов, ул. Советская, 9, Фастовский государственный краеведческий музей; тел.: +380 (45) 656-11-84, e-mail: veleslav31@yandex.ru[2]; MD-3300, Молдова, г. Тирасполь ул. 25 Октября, 107, Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко; тел.: 373533-79400, e-mail: razum_22@rambler.ru[3]; 04210, Украина, г. Киев, пр-т Героев Сталинграда, 12, Институт археологии НАН Украины; тел.: +380 (44) 418-27-75, +380 (44) 418-33-06, e-mail: aheron2000@yandex.ua[4].

S. D. Lysenko, E. I. Shklyarevskii, S. N. Razumov, S. S. Lysenko

BARROW CEMETERY OF KOMAROVSKAYA CULTURE NEAR BUKOVNA VILLAGE (RESULTS OF RESEARCHES 2010—2013)

In the 2010—2013 Ukrainian-Polish archaeological expedition resumed the study of the Bronze Age barrows near Bukovna village, Tlumach district, Ivano-Frankovsk region, begun in the 30s of the 20th century. In the wood to the west of the village were recorded five burial groups and several mounds standing alone. A few barrows are situated on the fields south of the village. In general, in the ancient times cemetery consisted of about 50 mounds.

In group № 1 were excavated three barrows, one more — in the group № 2. The earliest barrow among the studied mounds is № 1 in the group № 2. It can be dated by the late III — beginning of II millennium BC, and synchronized with the Postcatakomb cultures and with Epicorded cultures horizon. The barrows excavated in the group №1 belong to the early phase of Komarovskaya culture and are dated in the limits of the second quarter of II millennium BC. All the barrows of this group contained decorations of nonferrous metals. The general ceramic complex is of more than 60 vessels. Mounds of both groups contained of about 2000 flint artifacts, dated from the Paleolithic to the Late Bronze Age.

Geodesic, geophysical, paleopedological, dendrologic, paleobotanic, palynological, anthropological researches on the monument were carried out. A spectral analysis of metal and radiocarbon dating were done.

Key words: Trzciniec culture circle, Komarov culture, barrows, burial rite, ceramic complex, metal ornaments, flint industry.

About the authors: Lysenko Sergey Dmitrievich[1], Candidate of Historical Sciences, Senior research worker of department of archaeology of eneolith — bronze century of Institute of archaeology of the National academy of sciences of Ukraine; Shklyarevskii

---

* Статья поступила в номер 11 ноября 2015 г.

© *МАИАСК.* Археология, история, нумизматика, сфрагистика и эпиграфика.
© С. Д. Лысенко, Е. И. Шкляревский, С. Н. Разумов, С. С. Лысенко, 2015.

Evgenii Igorevich[2], Restorer of the Fastiv State Regional Museum, employee of the Fastiv archaeological expedition; Razumov Sergey Nikolayevich[3], Candidate of Historical Sciences, researcher at the Research Laboratory “Archaeology” T. G. Shevchenko Pridnestrovian State University; Lysenko Svetlana Stanislavovna[4], Candidate of Historical Sciences, Research worker of department of archaeology of eneolith — bronze century of Institute of archaeology of the National academy of sciences of Ukraine;.

Contact information: 04210, Ukraine, Kyiv, boulevard of Heroes of Stalingrad, 12, Institute of archaeology of the National academy of sciences of Ukraine; tel.: +380 (44) 418-27-75, +380 (44) 418-33-06, e-mail: suraganga@yandex.ru[1]; 08500, Ukraine, Fastiv, Soviet St., 9, Fastiv State Regional Museum; tel.: +380 (45) 656-11-84, e-mail: veleslav31@yandex.ru[2]; MD-3300, Moldova, Tiraspol, 25 Oktiabria St., 107, T. G. Shevchenko Pridnestrovian State University; tel.: 373533-79400, e-mail: razum_22@rambler.ru[3]; 04210, Ukraine, Kyiv, boulevard of Heroes of Stalingrad, 12, Institute of archaeology of the National academy of sciences of Ukraine; tel.: +380 (44) 418-27-75, +380 (44) 418-33-06, e-mail: aheron2000@yandex.ua[4].

Курганный могильник Буковна (укр.: Буківна, пол.: Bukówna) является одним из базовых памятников комаровской культуры тшинецкого культурного круга (ТКК) (Makarowicz 2010; Лысенко 2011), занимая достойное место среди таких курганных могильников, как Комаров в Поднестровье, Иванье, Дитиничи, Нетешин, Войцеховка, Кустовцы на Волыни, Гуляй-Город, Теклино, Малополовецкое в Среднем Поднепровье.

Могильник расположен на высоком правом берегу Днестра, примерно в 14 км на север от города Тлумач, к западу и юго-западу от с. Буковна Тлумачского района Ивано-Франковской области Украины (рис. 1: *1—2*). До 1939 г. эта территория входила в Тлумачский уезд Польши.

В 1931 г. Ян Брык, старший ассистент при кафедре праистории Университета Яна-Казимира во Львове зафиксировал 46 насыпей[1]. Шесть курганов было раскопано: № III и IV — на пахотном поле недалеко от костёла; № XV, XVI, XVII, XVII — в лесу на вырубке (Bryk 1932; Rogozińska 1959). В 1936 г. Маркиан Смишко и Ирэна Сивкувна исследовали еще 7 насыпей (Siwkówna 1937).

Согласно наблюдениям исследователей, насыпи были небольшие, диаметром 19—20 м, высотой 0,7—0,8 м (за исключением кургана XVI, достигавшего высоты 1,2 м). Размещались они группами по несколько насыпей, обычно поставленных тройками. Кроме небольших курганов, в Буковне обнаружено 5 курганов больших размеров, достигающих до 3 м в высоту и окружностью около 60 м. Исследованные курганы, согласно публикациям, содержали кремации комаровской культуры. Сосуды с кремациями были обнаружены преимущественно прямо в земле, на глубине около 0,6 м, предположительно на уровне древнего горизонта. Исключение составлял курган IV (1931), в центральной части которого были зафиксированы остатки большого костра, вокруг которого размещались 10 урновых погребений, огороженных каменной оградой (Bryk 1932; Rogozińska 1959). В кургане III (1937) были обнаружены бронзовая булавка с грибовидной шляпкой и бронзовый многоспиральный браслет со спиральными щитками (рис. 9: *1—2*) (Siwkówna 1937: rys. 1—2).

В 2010—2013 гг. исследования могильника были возобновлены совместной украино-польской экспедицией Института археологии НАНУ (Фастовская археологическая экспедиция) и Университета имени Адама Мицкевича в Познани[2] (Лысенко и др. 2011a; Лысенко и др. 2012; Лисенко и др. 2013a; Лисенко и др. 2013b; Лисенко и др. 2014; Лисенко и др. 2015; Makarowicz et al. 2013). В лесу к западу от села было зафиксировано 5 курганных групп и несколько одиночных насыпей (рис. 1). Группа № 1

---

[1] Точнее, 33 в лесу недалеко от усадьбы пана Комарницкого, а 13 — рассеяны на пахотных полях.

[2] В 2010—2012 гг. работы были проведены по Открытому листу, выданному на имя канд. истор. наук. С. Д. Лысенко; в 2013 г. раскопки проводились под руководством С. Д. Лысенко по Открытому листу, выданному на имя д-ра истор. наук В. И. Клочко. Частичное финансирование работ в 2012—2013 гг. осуществлено за счёт гранта NCN 2011/03/B/HS3/00839, полученного д-ром хаб. П. Макаровичем; часть работ была проведена на общественных началах сотрудниками Фастовской археологической экспедиции. Чертежи, описание объектов, реконструкция, прорисовка и описание керамики и металлических изделий осуществлены С. Д. Лысенко. Предварительная консервация и частичная реставрация керамического комплекса проведены реставратором Фастовского государственного краеведческого музея Е. И. Шкляревским. Коллекция кремневых изделий обработана канд. истор. наук. С. Н. Разумовым; металлические украшения проанализированы канд. истор. наук. С. С. Лысенко. Топографическая съёмка памятника проведена в 2013 г. польскими и ивано-франковскими топографами под общим руководством д-ра хаб. П. Макаровича (Лисенко и др. 2015: рис. 1: *2—10*).

состояла из не менее чем четырнадцати курганов (рис. 1: *3*), группа № 2 — из тринадцати (рис. 1: *6*), группа № 3 — из шести (рис. 1: *8*). В пределах групп курганы размещались подгруппами по 3—5 насыпей. В состав группы № 1 входил раскопанный курган 6 (1937). Кроме того, в 140 м на северо-восток от кургана № 1 группы № 3 зафиксированы 4 углубления, расположенные компактной группой, диаметры которых сопоставимы со средними диаметрами курганов могильника. На воронки от авиабомб или землянки эти углубления не похожи; подобных углублений в других частях леса зафиксировано не было. Не исключено, что мы имеем дело с местом расположения четырёх курганов, раскопанных «в лесу на вырубке» Я. Брыком в 1931 г. Таким образом, группа № 3 могла изначально состоять из 10 насыпей.

Между группами № 2 и 3 обнаружена небольшая группа № 4 из четырёх насыпей (рис. 1: *7*, 9). Ещё одна небольшая группа из трёх насыпей (№ 5) зафиксирована на юго-восток от группы № 2, рядом с грунтовой дорогой (рис. 1: *5, 7*). Одиночные курганы (рис. 1: *2, 7*) были расположены на север от группы № 1, недалеко от бывшей усадьбы пана Комарницкого (A) , между группами № 1 и 2 (B), на восток от группы № 5 (C). Из тринадцати курганов, рассеянных по полям (по данным 1931 г.), один находится рядом с костёлом в южной части села Буковна (D) (рис. 1: *2, 10*), ещё два на запад от костёла и один в лесопосадке на юго-восток от села (E). Остальные курганы на полях уже окончательно распаханы. Таким образом, можем считать, что курганный могильник около с. Буковна в целом насчитывал более пятидесяти насыпей.

В курганной группе № 1 в 2010 и 2012 гг. было раскопано 3 кургана. Ещё один курган был исследован в 2013 г. в группе № 2[3]. Курганы раскапывались вручную, с оставлением крестовидных бровок, ориентированных по сторонам света.

КУРГАН № 1 (2010) (рис. 1: 3: *1*, 2) расположен к западу от с. Буковна, в 250 м к югу от поворота грунтовой дороги на с. Милованье (48º58.199С, 24º57.242В), в южной части группы № 1. Курган возведён на природном возвышении, с запада плавно переходящем в плато. Визуально наибольшей высоты всхолмление достигает с востока, со стороны склона в направлении безымянного ручья. Реальная высота насыпи, перекрывшей погребальный комплекс, составляет около 1,3 м; диаметр насыпи на уровне 1,3 м от вершины кургана — 15 × 13 м. Насыпь ориентирована по линии ССВ—ЮЮЗ. Вокруг кургана прослежена прикурганная выемка шириной до 5,5 м. Основная часть насыпи сложена из кусков дернины с поверхности древней почвы. Сверху эта вальковая кладка перекрыта массой алевритистой породы из подпочвы (определение д-ра геогр. наук Ж. Н. Матвиишиной).

Вершина естественного возвышения перед проведением погребального ритуала была выровнена. В западной половине этой площадки была зафиксирована яма прямоугольной формы (объект № 3), размерами около 3 × 2,2 м и глубиной 0,3 м от уровня впуска. На дне ямы находилась оградка, выложенная из моренных валунов, которые очерчивали участок прямоугольной формы, размерами 1,7 × 0,9—0,8 м (по внешнему контуру), ориентированный ССЗ—ЮЮВ (рис. 3). Слева и справа от северной части оградки зафиксированы остатки досок сгоревшей погребальной конструкции. Массивы сгоревших дощатых конструкций зафиксированы также к юго-востоку и северо-востоку от оградки (объекты № 1 и 2) (рис. 2). Породы деревьев, использованных при сооружении сожжённых конструкций в кургане № 1, были определены доктором Т. Стемпником в Познанской лаборатории. В объектах № 1 и № 3 использовался дуб, в объекте № 2 — ольха.

Между объектами № 2 и № 3 в теле насыпи на площади диаметром около 6 м на различных глубинах концентрировались разрозненные кальцинированные кости. Не исключено, что в процессе сооружения насыпи в ней была вырыта небольшая ямка (объект № 5), куда была компактно

[3] В 2014 г. Открытый лист, в нарушение авторского права, был выдан на имя старшего преподавателя Прикарпатского государственного университета им. В. Стефаника И. Т. Кочкина, не являющегося специалистом в области археологии эпохи бронзы и выполнявшем в 2010—2013 гг. обязанности завхоза экспедиции. В курганной группе №1 был раскопан сдвоенный курган № 6—7, расчищенный и подготовленный к раскопкам ещё в 2013 г. Работы были проведены польскими студентами под фактическим руководством П. Макаровича. Учитывая опыт совместных работ с польскими коллегами в предыдущие сезоны, можем предполагать, что значительная часть информации на таком достаточно сложном объекте, как сдвоенный курган, осталась вне поля зрения исследователей.

высыпана горсть кальцинированных костей. Отдельный интерес представляют компактное скопление мелкой моренной гальки, выявленное в южной части кургана (объект № 4), и скопление переотложенных крупных кусков хорошо прокалённой печины, напоминающих обмазку трипольской площадки, в его юго-западной части (объект № 6). На наш взгляд, все они несут ритуальную нагрузку.

В насыпи на разных уровнях обнаружено 39 скоплений керамики, из которых удалось реконструировать 37 сосудов (рис. 4—7). Среди керамического комплекса кургана: 14 тюльпановидных сосудов (3 из них с ручками-упорами, 2 — с ручками-ушками) (рис. 4—5), 15 чаш, мисок и приземистых банок (рис. 6, 7: *7—8*), 2 «черпака» (рис. 7: *9—10*), 2 чашевидных кубка (рис. 7: *5—6*), 3 банковидных кубка (рис. 7: *1—2, 4*), 1 миниатюрная чаша с ручками-ушками (рис. 7: *3*). Один тюльпановидный (?) сосуд (№ 29) сохранился лишь в виде скопления невыразительных фрагментов толстых стенок; скопление № 8 оказалось фрагментами верхней части сосуда № 18. Сосуды изготовлены из глины с примесью дресвы (в том числе пережжённого кремня), иногда песка. Обжиг слабый. Орнаментация керамики крайне разнообразна. Преобладает желобчатый и прочерченный орнаменты. Встречаются также разнообразные наколы, насечки, налепные шишечки, гладкие валики и валики с наколами. Из насыпи также происходят единичные фрагменты сосудов тшинецкого (рис. 8: *1—5*) и бабинского (рис. 8: *16—11*) типов.

В размещении сосудов в кургане № 1 также прослеживается определённая закономерность. Четыре сосуда (№ 34, 35, 37, 38) были поставлены непосредственно в погребальную камеру (рис. 3). Еще три сосуда (24, 31, 33) были расположены к востоку от ямы объекта № 1, на уровне погребенной почвы (на глубине -1,25 м от вершины кургана) — уровне впуска котлована в вершину природного возвышения. Эти сосуды стояли по линии, перпендикулярной центру восточной стенки каменной оградки. Параллельно сосудам была положена бронзовая булавка с пластинчатой головкой (рис. 9: *6*), остриём иглы в направлении оградки, а рядом с дальним от оградки сосудом были найдены кремневый наконечник стрелы (рис.10: *1*) и большая пронизь (?), свёрнутая из бронзовой пластинки. Под булавкой прослежены следы органики; контуры пятна неровные, диаметр около 30 × 20 см. На этом же уровне были расставлены сосуды к северу (№ 20) и югу (№ 19, 21, 29) от котлована. На расстоянии 3 м на северо-восток от котлована были разбиты сосуды № 26 и № 28, а на юго-восток — № 39. Сосуд № 25 был поставлен над северной частью котлована, в котором располагалась оградка, уже после его засыпки.

Большое количество сосудов было расставлено или разложено полукольцом в два ряда практически на уровне погребённой почвы между объектами № 1 и № 2 (№ 1, 5—11, 17—18), а также на северо-восток от объекта № 2 (№ 12—16). Кроме того, несколько сосудов (№ 22, 23, 27, 30, 32) были положены или разбиты полукольцом с восточной стороны естественного возвышения, вероятно — на его поверхности, за пределами основной площадки на вершине всхолмления. Ещё часть сосудов была разбита во время сооружения насыпи (№ 36) или на поверхности вальковой кладки (№ 2, 3, 4), до перекрытия всего комплекса светло-серым суглинком.

Флотация образцов почвы из заполнения сосудов не обнаружила в пробах остатков растительного происхождения, за исключением образца из заполнения сосуда № 14. Тут была найдена одна обугленная зерновка пленчатого ячменя Hv (определение д-ра биол. наук Г. А. Пашкевич).

Металлические изделия из кургана представлены двумя бронзовыми изделиями — булавкой и пронизью.

Булавка бронзовая с пластинчатой головкой (рис. 9: *6*). Обнаружена в северо-западном секторе (квадрат А/1), в 0,15 м на северо-запад от сосуда № 31. Лежала головкой на северо-восток, на уровне -1,23 м от вершины кургана (-0,93 м от R_0). Длина булавки (сохранившаяся) — 300 мм. Длина стержня — 240 мм; размеры сохранившейся части щитка — 60 × 40 мм. Толщина щитка около 1 мм, ближе к стержню расширяется до 1,5 мм. Щиток украшен четырьмя жемчужинами, расположенными квадратом. Одна из верхних жемчужин имеет отверстие диаметром около 1 мм, образовавшееся вследствие функционального износа. Края щитка и его верхний край выкрошились при расчистке. Первоначально щиток, вероятно, был вытянуто-подромбическим со скруглёнными углами. Сверху

он, видимо, заворачивался в горизонтальную трубочку (?). Верхние 70 мм стержня завиты вдоль оси по часовой стрелке. В этом месте стержень квадратный в сечении, размер сечения 4 × 4 мм. Остальная часть стержня круглая в сечении, диаметром 4 мм; к острию равномерно сужается (кончик обломан). Изделие сильно патинировано; металл представлен сплошными окислами. Чтобы извлечь изделие из раскопа, реставратору пришлось применить гипсовую заливку с последующим извлечением земли с противоположной стороны гипсовой формы. В связи с этим, прорисовка изделия произведена с внутренней стороны и представляет своего рода зеркальное изображение.

Пронизь (?) бронзовая. Обнаружена в 0,3 м на восток от булавки. Уровень залегания 1,21 м от вершины кургана (0,91 м от R_0). Изделие представляет собой тонкую пластину, свёрнутую в трубочку в несколько оборотов. Длина более 30 мм, диаметр около 10 мм; толщина пластины около 0,3 мм. Изделие представляло собой сплошные окислы и совершенно рассыпалось при расчистке.

Из насыпи кургана происходит 262 кремневых изделия. Часть из них относится к периоду неолита-энеолита и, возможно, попала в насыпь с дёрном. Более 200 предметов могут быть отнесены к ТКК. Среди находок: отщепы, фрагменты нуклеусов для отщепов, заготовки и фрагменты орудий. Особо следует отметить заготовки (за исключением одного случая — фрагментированные) для бифасиальных цельных вкладышей серпов (рис. 10: *6—7, 9—15*). Также найдены четыре фрагмента готовых вкладышей серпов (рис. 10: *5, 8*). Другие орудия представлены перфоратором (сверло-развёртка) на первичном отщепе, двумя отбойниками (один на сработаном нуклеусе для отщепов), двумя ретушёрами на отщепах, фрагментом орудия на отщепе (сильно обожжён). Из предметов вооружения в кургане найдены два бифасиальных наконечника стрел. Один из них фрагментирован и представлен лишь остриём, сформированным струйчатой ретушью (рис. 10: *2*). Вероятно, по морфологии он был близок второму наконечнику — вытянуто-треугольной формы с глубокой полукруглой выемкой в основании, изготовленному на отщепе мелового тёмно-серого полупрозрачного кремня (рис. 10: *1*). Обнаружены также 2 заготовки для наконечников стрел (рис. 10: *3—4*) (Разумов и др. 2012).

На поверхности кургана и в дерновом слое найдены патроны и гильзы от советской винтовки Мосина, а также неразорвавшаяся мина.

КУРГАН № 2 (2012) (рис. 1: 3: *2*, 11) расположен в 250 м к северу от кургана 1, у поворота грунтовой дороги на с. Милованье (48º58.378С, 24º57.236В). Высота насыпи над уровнем погребённой почвы — 1,8 м, диаметр — 22 × 18 м (по линиям З-В и С-Ю). Курган был насыпан над естественным возвышением, что визуально увеличивало его размеры.

В 2010 г. в центре кургана был обнаружен свежий грабительский шурф, размерами 2,6 × 2,2 м, глубиной 2,05 м. С целью доисследования разрушенного центра был заложен небольшой раскоп и траншея, перерезавшая насыпь по линии север-юг. В 2012 г., после того, как росшие на кургане буки были спилены, курган был исследован полностью. Насыпь кургана № 2 в целом подобна насыпи кургана № 1 (Матвиишина и др. 2013)

В центре кургана зафиксированы остатки каменной оградки (объект № 1), вероятно, аналогичной оградке в кургане № 1 (рис.12: *4*). Предположительно, объект был ориентирован по линии запад-восток. На одном из камней стояла закрытая чаша (№ 4), на юго-восток от которой лежала на боку нижняя часть тюльпановидного сосуда (№ 3), а на юг зафиксирована нижняя часть разбитой чаши (№ 10) (рис. 13: *5*, 14: *3, 5*). Зафиксированы также остатки древесного угля от сгоревшей деревянной конструкции. Среди камней обнаружена верхняя часть бронзовой булавки с приплюснуто-биконической головкой с продольным отверстием (рис. 9: *5*). Большая часть погребального сооружения была разрушена грабителями. Согласно сообщениям лесников, за несколько месяцев до начала работы экспедиции на кургане копали «черные археологи», обнаружившие (?) тут изделия из бронзы (?).

В юго-западном секторе кургана, у его подошвы, обнаружена сожжённая срубная конструкция (объект № 3) (рис. 12: *1*), изготовленная из дубовых плах (определение Т. Стемпника). Конструкция ориентирована по линии запад-восток. Размеры сруба составляют около 0,85 × 1,9 м, размеры ямы — около 1,1 × 2,0 м, её глубина достигает 0,1 м от уровня древней поверхности (1,92 м от вершины

кургана). Внутри сруба, между деревянной обшивкой пола и перекрытием, обнаружены останки человека, кремированного на месте. Стенки сруба были обмазаны глиной, местами прокалившейся до красного цвета. Погребённый лежал головой на восток, вероятно, в очень слабо скорченной позе на правом боку или на спине. Слева от головы находились остатки деревянного сосуда (рис. 12: *2*), изготовленного из дуба. Диаметр сосуда — около 150 × 155 мм; зафиксированная высота — около 80 мм; толщина стенок в придонной части — около 20 мм, в верхней части — 25—30 мм. В центральной части погребения найден фрагмент режущего орудия на массивной отжимной пластине без следов воздействия огня (№ 192) (рис. 12: *3*). Орудие относится к трипольской культуре и попало в погребение во время засыпки. На северо-восток от сруба зафиксировано пятно красной охры. В радиусе 3 м на север и восток от погребения обнаружены развалы пяти сосудов тшинецкого типа (№ 1—2, 5—7) (рис. 13: *1, 4*, 14: *1, 2, 4*).

Идентификация пережжённых костей из погребения показала, что они принадлежат взрослому человеку. Кости животных обнаружены не были. Комплекс признаков на черепе и посткраниальном скелете показывают, что кости принадлежали взрослой женщине. Возраст погребённой на момент смерти — 20—35 лет. Общий температурный режим колебался в пределах от 600°C до 900°C (Слободян и др. 2014).

На краю юго-восточной части подошвы кургана обнаружены остатки кострища (объект № 4), рядом с которым лежали раздавленные тюльпановидный сосуд (№ 9) и амфорка (№ 8) (рис. 13: *2, 3*).

Керамический комплекс кургана № 2 в целом состоял из 10 сосудов (рис. 13—14), среди которых 5 тюльпановидных сосудов, 3 чаши, амфорка и большая банка с ручками-упорами. Из насыпи происходят также единичные фрагменты сосудов тшинецкого и бабинского (рис. 8: *13—14*) типов. На всех уровнях насыпи зафиксированы мелкие угольки и мелкие кальцинированные кости.

В кургане обнаружено лишь одно изделие из металла — *бронзовая булавка* с приплюснуто-биконической головкой (рис. 9: *5*). Найдена в квадрате Г/2, в 0,5 м на восток от сосуда № 4. Находилась на уровне -1,92 м от R_0. Сохранилась только головка и верхняя часть стержня. Общая длина сохранившейся части изделия — 37,5 мм. Головка асимметричная; диаметр 23,3 × 25,3 мм, высота — 13 мм. От верха головки к основанию иглы идет сквозное отверстие диаметром 6 мм. В центральной части отверстие несколько расширяется. Стержень круглый в сечении; сохранился на 24,5 мм. Диаметр основания стержня 4,5 мм, далее сужается до 4 мм. Нельзя исключать, что ниже излома стержень мог быть подквадратным в сечении и закручен вдоль своей оси по аналогии с булавкой из кургана III (1937 г.) (рис. 9: *1*).

Из насыпи кургана происходит 191 изделие из кремня, преобладают отщепы. Некоторые кремни патинированы и могут быть отнесены к верхнему палеолиту. Ряд находок — фрагмент вкладыша серпа (рис. 10: *17*), два отбойника (рис. 10: *18*), два режущих орудия на отщепах (рис. 10: *16*), фрагмент заготовки вкладыша бифасиального серпа, фрагмент нуклеуса для отщепов, три нуклевидных обломка, один из которых был использован в качестве кресала, — могут быть отнесены к тшинецкому культурному кругу.

Ниже уровня погребённой почвы в северо-западном секторе кургана зафиксированы остатки кострища (объект № 5), рядом с которым обнаружены мелкие невыразительные фрагменты керамики, поверхность которых покрыта расчёсами, нанесенными гребёнкой (рис. 8: *12*). Вероятно, это остатки кратковременной стоянки периода позднего неолита или ранней-средней бронзы, предшествовавшей сооружению кургана.

В северо-восточной части кургана в 2010 г. было обнаружено санитарное погребение времён Великой Отечественной войны (объект № 2) в виде перекопа, содержавшего остатки кожаной краги от ботинка с железной пряжкой и кости стопы человека. Вероятно, ботинок принадлежал венгерскому или немецкому солдату. На поверхности кургана также встречались стрелянные гильзы от венгерской винтовки системы Манлихера, пули и осколки снарядов. На днищах гильз выбиты клейма венгерских патронных заводов и годы выпуска (с 1938 по 1940 гг.)[4].

[4] Определение И. Т. Кочкина.

КУРГАН № 3 (2012) (рис.1: 3: *3*, 15) расположен на расстоянии около 25 м к югу от кургана № 2 (48º58.353С, 24º57.240В). Высота насыпи над уровнем погребенной почвы — 1,25 м, диаметр — около 15 м. Как и в предыдущих случаях, курган насыпан над естественным возвышением, что визуально увеличивает его размеры. Конструкция насыпи аналогична конструкции насыпей предыдущих курганов.

Под северной (наивысшей) частью кургана обнаружена яма трапециевидной формы, ориентированная более широким торцом на юго-восток, размерами 0,7—1,1 × 2,3 м. Глубина ямы — 0,4 м от подошвы кургана. Вокруг ямы прослежены остатки сгоревшей деревянной конструкции, обмазанной глиной, местами прокалённой до красного цвета. Заполнение ямы чёрное, однородное. Человеческие останки, равно как и какие-либо иные находки, в яме не обнаружены. В насыпи также не было зафиксировано ни одного фрагмента кальцинированных костей — вероятно, курган представляет собой кенотаф. По периметру ямы после её засыпки были расставлены семь сосудов — три чаши, два тюльпановидных горшка, небольшая мисочка и банковидный цилиндрический кубок (№ 10, 13—18).

Южная часть ямы и часть сосудов были перекрыты практически цилиндрическим возвышением, возведённым из чёрной погребённой почвы («алтарь»?). Диаметр возвышения в основании — до 1,5 м, в верхней части — до 1,1 м; прослежено на высоту 0,5 м. В 0,6 м на юг от большого возвышения зафиксирована аналогичная конструкция меньших размеров, диаметром около 0,5 м. Между возвышениями были найдены бронзовая булавка со сломанной в древности пластинчатой головкой (рис. 9: *3*) и золотая калачиковидная желобчатая подвеска сибенирского типа (рис. 9: *4*). Вокруг стержня булавки сохранился бурый органический тлен, вероятно, от деревянного футляра (?). Ширина «футляра» — до 2,7 см.

На краю южной части кургана обнаружена яма, на пятне которой лежали три моренных валуна (объект № 3). В северной поле кургана найден ещё один моренный камень, использовавшийся, вероятно, в качестве наковальни. В юго-западной части кургана на уровне погребённой почвы обнаружены остатки кострища (объект № 2), рядом с которым находились мелкие фрагменты керамики, аналогичной по составу теста керамике, обнаруженной в кургане № 2 рядом с объектом № 5.

Керамический комплекс кургана № 3 состоял из 15 сосудов, 14 из которых удалось реконструировать (рис. 17—18). Скопления № 1, 5, 11, 12 оказались фрагментами большого тюльпановидного сосуда № 1, разбитого рядом с меньшим «алтарём». В целом реконструированы 5 тюльпановидных сосудов (рис. 17: *1—2, 4—6*), 7 чаш (рис. 18: *1, 3—8*) и 2 кубка — в виде цилиндрической стопки (рис. 17: *3*) и полусферической мисочки (рис. 18: *2*).

Металлические изделия из кургана представлены бронзовой булавкой и золотой подвеской.

Булавка бронзовая с пластинчатой головкой (рис. 9: *3*). Найдена в углу юго-восточного сектора, в квадрате А/1, в 0,6 м на юг от ямы объекта № 1, в 0,1 м на юг от чёрного подиума. Находилась на уровне -1,26 м от R_0. Лежала горизонтально. Ориентирована по линии ЗЮЗ-ВСВ, остриё в направлении α23°. Большая часть пластинчатой головки отломана (в древности?); остриё также снесено ходом корня или землероями. Длина сохранившейся части — 230 мм, длина стержня — 220 мм. Ширина пластины в изломе — 18 мм, диаметр стержня — до 4 мм.

Подвеска золотая калачиковидная сибенирского типа (рис. 9: *4*). Найдена в 0,2 м на северо-запад от булавки, на уровне -1,21 м от R_0. Подвеска имеет размеры 23 × 18 мм, изготовлена из пластины толщиной около 0,1 мм. Вес — 0,54 гр. Спектральный анализ изделия представлен в табл. 3.

Из насыпи кургана происходит 150 изделий из кремня, среди которых преобладают отщепы. Часть кремней относится к периодам верхнего палеолита и энеолита. К ТКК могут быть отнесены два фрагмента бифасиальных вкладышей серпов (рис.10: *21*), скол подправки поверхности и фрагмент заготовки бифаса, концевой скребок на первичном отщепе (рис.10: *19*), ретушёр на отщепе, фрагмент режущего орудия на пластинчатом отщепе, отбивная пластина и массивный отщеп с залощенностями на гранях, заготовка нуклеуса для отщепов на фрагменте конкреции мелового кремня (рис.10: *20*), 5 нуклевидных обломков. Кроме того, найден отбойник-абразив на сланцевой гальке.

В 1944 г. на кургане № 3 размещалась огневая точка венгров, свидетелем чего являются окоп и находки десятков гильз от патронов карабина системы Манлихер.

КУРГАН № 1 (2013) группы № 2 (рис.1: 6: *1*, 19—20) является северным в центральной подгруппе. Диаметр насыпи — до 16 м. Высота — 2,21—2,67 м от современной поверхности вокруг кургана. Насыпь возведена над незначительным естественным возвышением; высота над уровнем погребённой почвы в центре кургана — 2,35 м. Вокруг кургана на современной поверхности слабо прослеживается прерывистая прикурганная выемка, шириной до 10—15 м.

Курган был возведен в два этапа (рис. 19: *1*, 20). Ядро насыпи сложено из вальков нарезанного дёрна. Диаметр — 10 × 10,4 м, высота — до 1,2 м. Вокруг центра наблюдается круг белёсой кладки, цвет которой образовался вследствие концентрации солей между вальками. Местами на поверхности насыпи в профилях чётко прослеживаются «ступеньки», образованные большими кусками дернины. Сверху первоначальная насыпь была перекрыта насыпью из светлого суглинка. Верхняя часть кургана в центре повреждена венгерским (?) окопом времён Великой Отечественной войны.

В юго-восточном секторе под насыпью был обнаружен объект № 1 — погребение, совершённое по обряду демембрации (?) (рис. 19: 2). Яма в плане имеет вид неправильного овала. Ориентирована по линии ЮЮЗ—ССВ. Размеры на уровне фиксации — 2,05 × 1,35 м; книзу слегка сужается. Глубина — 3,11 м от вершины кургана; уровень фиксации в профиле — 2,5 м. На дне ямы, в юго-западной части, на левом виске лежал череп взрослого, ориентированный теменем на запад, лицевым отделом — на север. Под черепом находилась верхняя часть плечевой (?) кости. Верхняя часть ещё одной плечевой (?) кости была найдены на расстоянии 0,15 м на восток от черепа. Никаких иных костей, за исключением двух фрагментов рёбер, в погребении не обнаружено. В 0,4 м на северо-восток от черепа, в центре ямы, на боку лежал цилиндрический кубок с ручкой-налепом (сосуд № 1) (рис. 19: *6*).

Состояние зубной системы и пропорции отдельных костных фрагментов указывают на взрослый возраст индивида (от 15 лет). По причине недостаточной сохранности костного материала установление более точных половозрастных характеристик, а также положения тела не представляется возможным. Следует лишь отметить анатомический порядок размещения черепных костей и отдельных фрагментов верхних конечностей[5].

Почти под центром кургана, на уровне 1,85 м от его вершины, в верхней части первоначальной насыпи на днище стоял ещё один сосуд (№ 2) — кубок-черпак со сформированной из верхнего края венчика небольшой ручкой-сливом (рис. 19: *5*). На расстоянии 2,8 м на восток от центра кургана, на уровне 2,25 м от вершины, обнаружено кострище (объект № 2). Диаметр прокалённой почвы — 0,35 м. Отдельные куски древесного угля разнесены на расстояние до 1 м.

В юго-западной части насыпи найден фрагмент днища ещё одного сосуда с примесью шамота и мелкого песка в тесте (рис. 19: *4*), по составу теста аналогичного сосудам № 1 и 2. Из юго-восточной части насыпи происходят два мелких фрагмента стенок сосудов тшинецкого типа с характерной примесью пережжённого кремня и сланца в тесте, найденные на уровне 2,6 и 2,85 м от вершины.

Из насыпи происходит более 1200 кремневых изделий эпохи верхнего палеолита, финального палеолита, мезолита, неолита, энеолита, эпохи бронзы. Материалы этих периодов обнаружены также в шурфах неподалёку от кургана и на современной поверхности. Поэтому можно предположить, что в насыпь они попали во время её сооружения вместе с почвой. Только незначительная часть кремневых изделий может быть отнесена к рубежу средней и поздней бронзы и сопоставлена со временем сооружения кургана. Среди таких находок — бифасиальный наконечник стрелы (рис. 19: *3*) в виде вытянутого треугольника с загнутыми к середине боковыми шипами и неглубокой арочной выемкой в основании. Кроме того, найдены две заготовки бифасов (вкладыши серпов?), одна из которых использована в качестве ретушёра (?), два отщепа с ретушью, отщеп с ретушированной выемкой, три кресальных кремня, а также каменный молот (?).

Почвы, на которых сооружены курганы, определены как оподзоленные чернозёмы, развивавшиеся под луговой растительностью в условиях тёпло-умеренного климата с достаточным количеством

[5] Определение Т. И. Слободян.

осадков. В эпоху бронзы природные зоны явно были смещены на север, господствовали пространства с участками буково-грабовых лесов[6].

Наиболее ранним среди исследованных курганов является курган № 1 группы № 2. Сосуд № 1 по морфологии корпуса напоминает банки культурного круга Бабино. Он находит близкую аналогию в цилиндрическом кубке позднего этапа подкарпатской культуры из Остапье (Свєшніков 1974: 63, рис. 15: *3*). Подобные сосуды с ручкой известны в лолинской культуре (Мимоход 2013: илл. 46: 1—7). Наконечник стрелы находит аналогии среди материалов культурного круга Бабино (Razumow 2011: 83—86). Таким образом, по керамическому комплексу и наконечнику стрелы курган может быть датирован концом 3 — началом 2 тыс. до н.э. и синхронизирован с блоком посткатакомбных культур и эпишнуровым горизонтом.

Курганы группы № 1 по керамическому комплексу и изделиям из цветных металлов могут быть отнесены к раннему этапу комаровской культуры и датированы в пределах второй четверти 2 тыс. до н.э. Это в полной мере соотносится с датировкой содержавших бронзовые изделия курганов комаровской культуры, исследованных в предвоенный период в Буковне и Комарове (Swiesznikow 1967: 73), а также не противоречит результатам датировки методом ^{14}C (табл. 1).

Все три кургана группы № 1 в центре содержали конструкции, которые могут быть интерпретированы как кенотафы. Каменные оградки из моренных валунов, зафиксированные в курганах № 1 и № 2 первой группы, находят непосредственные аналогии на Кивуткалнском грунтовом могильнике эпохи бронзы в Латвии (Денисова и др. 1985: табл. XXIII—XXIV). Между камнями здесь располагались долблёные колоды, в которых лежали вытянутые костяки. В могильных ямах 32-го и 41-го погребений обнаружены фрагменты сосудов, которые по фотографиям и описанию напоминают керамику тшинецкого типа (Денисова и др. 1985: 45, табл. IV: *5—6*). Наличие памятников тшинецкого культурного круга в Латвии отмечали Р. Римантене и Т. Остраускас (Rimantiene, Ostrauskas 1998: abb. 1: 20). Таким образом, в качестве рабочей гипотезы можем предположить, что сходство погребальных сооружений в Буковне и Кивуткалнсе отражает связи населения Верхнего Поднестровья и Прибалтики в эпоху поздней бронзы.

Прослеживается сходство между деревянными конструкциями в кургане № 1 Буковнянского могильника (объекты № 1 и 2) и могильника тшинецкой культуры в Guciów на Вепше (Польша). Открытые на нём аналогичные объекты, построенные из досок, имеют подобную форму и близкие пропорции (информация доктора Я. Гурского). Располагались они также не в центре кургана, а на некотором отдалении от него (Makarowicz et al. 2013: 108).

Отдельно следует обратить внимание на сожжённую деревянную конструкцию в юго-западной поле кургана № 2, содержавшую остатки кремации на месте. Вероятно, подобное погребение было раскопано в южной поле кургана III (1937 г.), где в подпрямоугольной яме размерами 3 × 1,5 м, глубиной 0,3 м, среди обожжённой до красного цвета земли, были обнаружены слабо пережжённые кости и большое количество угля (Siwkówna 1937: 68—69). С этим погребением были связаны упомянутые выше бронзовые браслет и булавка. В комаровской культуре такие конструкции зафиксированы в кургане № 2 могильника Иванье (Ровенская область, Дубненский район) (Свешников 1968), в погребении № 48 могильника Козаровичи (Киевская область, Вышгородский район) (Лисенко 1999: 72, рис. 3; Лысенко 2015а: 458, рис. 11—12), в погребениях № 83 (Лысенко, Лысенко 2002: 170—171, рис. 2) и № 94 (Лысенко, Лысенко 2003: 168—179, рис. 3) Малополовецкого могильника (Киевская область, Фастовский район), в курганах Гордеевского могильника (Винницкая обл., Тростянецкий р-н) (Березанская 1999, рис. 2). Погребальные сооружения в виде деревянных рам/срубов распространены как в днепро-донской, так и в днепро-прутской бабинских культурах (Савва 1992: 78—81; Литвиненко 2006: 170—172; Литвиненко 2009: 7—8; Куштан 2013: рис. 58). В бабинских погребениях известны и деревянные чаши (Куштан 2013: рис. 58: *13—16*).

В насыпях курганов № 1 и № 2 на различных уровнях зафиксированы рассеянные кальцинированные кости. Материалы из кургана № 1 позволяют утверждать, что кости рассеивались

[6] Определение д-ра геогр. наук Ж. Н. Матвиишиной.

не хаотично, а в определённом секторе кургана (рис. 21), на площадке к востоку от каменной оградки (объект № 3), между двумя сгоревшими конструкциями (объекты № 1 и № 2).

Стоит обратить особое внимание на то, что ни один (!) из 63-х сосудов, обнаруженных в курганах группы № 1, не содержал кальцинированные кости и, таким образом, эти сосуды не могут рассматриваться в качестве погребальных урн. И это учитывая тот факт, что в публикациях всех исследованных в 1930-е годы 13-ти курганов речь шла именно об урновых кремациях. На данном этапе исследований мы можем допустить, что наши предшественники, широко используя труд неквалифицированных работников, ошибались в интерпретации обнаруженных в насыпях курганов сосудов, рассматривая каждый из них в качестве отдельного погребения.

Керамический комплекс исследованных в 2010 и 2012 гг. курганов комаровской культуры достаточно разнообразен (рис. 4—7, 13—14, 17—18). Всего в них зафиксировано 63 керамических сосуда, 61 из которых удалось реконструировать. Подробный анализ керамического комплекса могильника — тема специального исследования и отдельной публикации. Поэтому остановимся лишь на некоторых общих моментах.

Наиболее архаичным среди исследованных нами комаровских курганов выглядит керамический комплекс кургана № 2, содержавший амфорку с ручками (рис. 13: *2*), некоторым образом напоминающую амфорки культуры шаровидных амфор (Szmyt 1999: fig. 37—38), а также сосуд (рис. 13: *4*), подобный «буджакским банкам» из погребений ямной культурно-исторической общности Северо-Западного Причерноморья (Кетрару и др. 2014: 149, рис. 128: *1, 2, 4*). В этом же кургане найдена чаша, при орнаментации которой, как и на амфорке, применена архаичная техника отступающих наколов (рис. 13: *5*).

Среди керамического комплекса комаровских курганов преобладают тюльпановидные сосуды различной степени профилированности. Всего реконструировано 22 тюльпановидных сосуда (курган № 1 — 14; № 2 — 3; № 3 — 5); а с учётом двух сильно фрагментированных сосудов, не поддающихся графической реконструкции, из курганов № 1 и 3, нижней части сосуда из кургана № 1 и двух нижних частей сосудов из кургана № 2, их количество может быть увеличено до 25—27, что составляет не менее 40% от всего комплекса (рис. 4, 5, 6: *12*, 13: *3*, 14: *1, 2, 4, 5*, 17: *1, 2, 4—6*).

Представляет интерес большое количество тюльпановидных сосудов с ручками-ушками или плоскими ручками-упорами с двумя отверстиями, обнаруженных в кургане № 1 (рис. 5: *1—3, 5—6*). В кургане № 3 найден только один сосуд с ручками-упорами с одним отверстием (рис. 17: *2*). В кургане № 2 такие сосуды вообще отсутствуют, а ручки-упоры зафиксированы на упомянутых выше амфорке (с одним отверстием) и «буджакской банке» (с двумя отверстиями). Сосуд № 18 с ручками-ушками из кургана № 1 (рис. 5: *6*), помимо прочего, украшен рядом маленьких круглых наколов. На наш взгляд, эта керамическая форма несёт на себе пережитки культуры шаровидных амфор. Достаточно архаична и форма сосуда № 28 из этого же кургана (рис. 4: *7*), имеющего воронковидный венчик и украшенного широким валиком по шейке. Данная форма, согласно мнению А. Гардавского, может восходить к сосудам культуры воронковидных кубков (Gardawski 1959: tabl. LXVI).

Наряду с ранними признаками, на тюльпановидных сосудах фиксируются и признаки «поздние». Так тюльпановидные сосуды с широким гладким горизонтальным валиком визуально напоминают керамику белогрудовского типа (рис. 4: *6, 8*, 17: *6*). Однако, в отличие от последней, валик замкнут по всему диаметру, а не имеет разрыв в виде заходящих концов или «усов». Подобные керамические формы известны на Куявах (Польша), в поздней ивенской (горизонт KI III) и ранней тшинецкой (горизонт HT I) культурах (Makarowicz 1998). Следует обратить внимание также на неорнаментированные грушевидные горшки с максимальным расширением корпуса ниже ½ высоты сосуда, обнаруженные в курганах № 2 (рис.14: *2*) и № 3 (рис. 17: *4*), также вызывающие ассоциации, как с керамическим комплексом названных ранних горизонтов на Куявах, так и с белогрудовской культурой (финальный горизонт ТКК) в лесостепном Днепро-Днестровском междуречье.

Второй по значению категорией керамического комплекса Буковны являются чаши. Всего (с учётом фрагментированных нижних частей) реконструировано 19 форм (курган № 1 — 9, № 2 — 3, № 3 — 7), что составляет около 30% от всего комплекса. Если тюльпановидные сосуды достаточно

однообразны и отличаются в первую очередь характером орнаментации и наличием/отсутствием ручек, то ассортимент чаш по морфологии весьма разнообразен (рис. 6: *1—3, 5—6, 8, 11*, 7: *9—10*, 13: *1, 5*, 14: *3*, 18: *1, 3—8*). Зафиксированы сосуды с высоким и низким венчиком с разной степенью отогнутости, с высоким и низким практически вертикальным венчиком, а также большая закрытая чаша с венчиком, загнутым внутрь сосуда (рис. 6: *11*). Только в кургане № 1 обнаружены две высокие чаши с ручками — «черпаки» (рис. 7: *9, 10*). Только из кургана № 2 происходит двуручная тонкостенная богато орнаментированная чаша (рис. 13: *1*), находящая аналогии как в галицкой группе комаровской культуры ТКК, так и в группе Костиша в Румынии (Cultura Costişa 2001).

Только из кургана № 3 происходит небольшая чаша-кубок на высоком кольцевом поддоне — ножке (рис. 18: *1*). На Малополовецком могильнике такие сосуды обнаружены в комплексах № 2 и № 17 горизонта МП-II (1600—1500 ВС). Нижняя часть кубка на полой ножке, украшенной «колючей проволокой» — орнаментом, характерным для ранней сосницкой культуры ТКК, найдена на поселении Малая Бугаёвка-3 (Киевская область, Васильковский район) (Лысенко 2006). Известны кубки на ножке и в тшинецкой культуре в Польше (Самбожец) (Gardawski 1959: tabl. XXXV: *1*). Чаши-кубки на полых ножках характерны для бережновско-маёвской срубной культуры (Ковальова, Волкобой 1976; Отрощенко 2001); их распространение в Северном Причерноморье связывают с влияниями андроновского культурного круга (Березанская, Гершкович 1983). Показательно, что сосуд из Буковны украшен по корпусу наклонными налепными валиками, треугольными в сечении, что может рассматриваться в качестве влияния керамики бабинского типа.

Из кургана № 1 также происходят четыре небольшие миски разной глубины и формы (одна с ручками-упорами) (рис. 6: *4, 7, 9, 13*) и три сосуда баночной формы с коническим и выпуклым корпусом (рис. 6: *10*, 7: *7, 8*).

Особую категорию составляют кубки — небольшие сосуды для питья, форма которых зачастую повторяет форму различных категорий больших сосудов. Всего к этой категории могут быть отнесены 7 сосудов. В курганах № 1 и № 3 обнаружено 4 кубка баночной формы: три в кургане № 1 (один большой, усечённо-конической формы, и два кубка-стопки с вогнутыми стенками) и один (цилиндрический) в кургане № 3 (рис. 7: *1, 2, 4*, 17: *3*). Из кургана № 3 происходит тонкостенный кубок-мисочка (рис. 18: *2*). Из кургана № 1 происходят два чашевидных кубка. Один из них, украшенный узкими прорезанными линиями и шишечками-налепами вокруг корпуса (рис. 7: *5*), находит аналогии в кургане CCCXLVII у с. Теклино (Черкасская обл., Смелянский р-н) из раскопок А. А. Бобринского (Куштан 2013: рис. 71: *5*). Второй, орнаментированный глубокими желобками по всему корпусу (рис. 7: *6*), по форме вызывает ассоциации с керамическим комплексом поздней ивенской (KI III) и ранней тшинецкой (HT I) культур на территории Польши (Makarowicz 1998).

Из кургана № 1 также происходит единственный миниатюрный сосуд (№ 19) в виде чаши комаровского типа с двумя ручками-ушками на плечике (рис. 7: *3*).

Из насыпей всех трёх курганов происходит керамика, по характеру орнаментации и обработки поверхности напоминающая керамику бабинского типа (рис. 8: *6—11, 13—14*). Отличие в тесте: вместо песка — мелкий шамот. Скорее всего, данная керамика синхронна культурному кругу Бабино, или даже является периферийным проявлением его керамического комплекса. Как данная керамика соотносится с тшинецко-комаровским керамическим комплексом, на данном этапе исследований сказать трудно. Однако нельзя исключать сосуществование в Поднестровье ранних проявлений ТКК с поздними проявлениями культурного круга Бабино. Подобное сосуществование прослеживается также на востоке ареала ТКК, в Среднем Поднепровье и бассейне Десны.

Анализ металлических изделий из раскопок 2010 и 2012 гг. был осуществлён в лаборатории Института археологии НАНУ к.и.н. Т.Ю. Гошко. Согласно её заключению, булавка из кургана № 2 была изготовлена по восковой модели. Изделия из курганов сильно окислены. Чтобы выяснить хотя бы приблизительно состав металла, был проведен спектральный анализ продуктов коррозии (табл. 2). Анализировались полностью окисленные фрагменты подвески и щитка булавки из кургана № 1, фрагмент булавки из кургана № 3, а также поверхность головки булавки из кургана № 2. По результатам спектрального анализа можно сделать вывод, что металл представлял собой

оловянистую бронзу. Высокие показатели олова объясняются тем, что в бронзах коррозии в первую очередь подвержен твёрдый раствор олова в меди. В состав бронз также входили в значительном количестве мышьяк, серебро и цинк (Лысенко и др. 2012).

В Северном Причерноморье булавки с пластинчатой подромбической головкой известны среди комплекса украшений комаровской культуры ТКК: Гуляй-Город, курган XLI (2 экз.) (Бобринский 1887: 102, табл. IX: 7—8; Березанская 1972: 60, рис. 18: *1, 3*; Лысенко и др. 2005: 153, рис. 1, 2: *1*), Комаров, курган 6 (Swiesznikow 1967: tabl. V: *1*), Малополовецкое-3, погребение № 72 (Лысенко, Лысенко Св. 2001: рис. 11: *6*); а также среди материалов культурного круга Сабатиновка—Ноа—Кослоджень: поселения Вышетарасовка7 (Шарафутдинова 1987: 73, рис. 2; Вангородская 1987: 39, 44, рис. 1), Трикраты (Шарафутдинова 1987: 73, рис. 2), Balaşeşti (Дергачёв 2011: рис. 147: *17*), клады Меджидия и Бэлень в Румынии (Petrescu-Dîmboviţa 1977: pl. 20: 8, 74: 51, 52, 75: 1; Шарафутдинова 1987: 73, рис. 2: *4—6*), поселение Ульму (Morintz 1978: fig. 74; Шарафутдинова 1987: 73, рис. 2: *7*). Литейные формы для отливки заготовок подобных булавок происходят из Днепрово-Каменки (Гершкович 2009: 583, 587, рис. 7: *1*, 8: *4*; Дергачёв 2011: рис. 147: *5*), Побит-Камыка, Есеницы, Frăţeşti (Дергачёв 2011: рис. 147: *23—25*); три отливки найдены в Rădeni (Дергачёв 2011: рис. 147: *18—20*).

Булавка из кургана № 1 Буковны отличается от известных в комаровской культуре булавок с ромбическим щитком схемой нанесения жемчужин, расположенных не «крестом» или «ромбом», а «квадратом». Состояние щитка булавки не позволяет однозначно судить о его форме. Нельзя исключать, что щиток был не подромбическим, а подовальным. Вертикальную подовальную головку имеют булавки культуры Ноа из Sebeş и Gărbovaţ (Дергачёв 2011: рис. 147: *12—13*). Подокруглую и подовальную форму имеют щитки булавок с пластинчатой головкой курганных и родственных им культур Центральной Европы, однако они богато украшены пуансоном и гравировкой и не могут быть привлечены в качестве непосредственных аналогий (Сафронов 1968: 19, рис. 5: *6, 7*; Laux 1976: taf. 20—23; Muller-Karpe 1980: taf. 530: A: *4*).

Булавки с уплощенно-биконической головкой среди опубликованных материалов на Украине не известны. Подобную форму головки имеет булавка из Каменец-Подольского музея (Лысенко и др. 2011b). Однако диаметр головки упомянутого изделия гораздо меньше, а сама булавка по богатой орнаментации иглы находит непосредственные параллели среди бронз гордеевского круга (Лысенко 2015b: рис. 8). В комаровской культуре ближе всего к булавке из кургана 2 в Буковне стоят булавки с грибовидной (гвоздевидной) головкой, особенно изделие, происходящее из кургана № 8 Комаровского могильника (Sulimirski 1939: rys. 5: *1*; Swiesznikow 1967: tabl. I: *1*). Последнее имеет близкую схему отверстия в шляпке, неизвестную на прочих булавках такого типа (Лисенко и др. 2004: рис. 2, *3*). В Центральной Европе булавки с уплощённо-биконической головкой и близкой схемой отверстия в ней находят аналоги среди материалов косидерского горизонта (Muller-Karpe 1980: taf. 313: *1—5*, 320: B: *20*). В качестве отдалённых аналогий могут рассматриваться также булавки с шаровидной и приплюснуто-шаровидной головкой, характерные для раннего этапа курганных культур (Laux 1976: taf. 23: *228—232*).

Калачиковидная подвеска, аналогичная подвеске из кургана № 3, но несколько б*о*льших размеров, была обнаружена в кургане № 8 Комаровского могильника (Swesznikow 1967: tabl. I: *6*). Подобные калачиковидные подвески сибенирского типа, золотые и бронзовые, распространены в культуре Отомань, где датируются в широком диапазоне от периода BrA до BrB_2 (Балагури 2001: 213, рис. 35).

Одним из важных вопросов исследований остаётся поиск связанного с могильником поселения. На площади могильника, непосредственно примыкающей к курганным группам, следы поселения комаровской культуры обнаружены не были. Однако нельзя однозначно отбрасывать предположение, что кратковременные поселения могли находиться недалеко от курганов, учитывая наличие тут старых обводнённых балок. Так, в истоках глубокого яра, расположенного на северо-запад от села, рядом с грунтовой дорогой, ведущей от южной околицы села в направлении группы № 1, в 2012 г.

[7] См. также сборы А. В. Бодянского.

И. Т. Кочкиным был найден фрагмент стенки сосуда тшинецкого типа, кремневый отбойник и куски пережжённого кремня.

Ближайшее поселение, на котором ранее были обнаружены материалы трипольской культуры и эпохи бронзы (культуры шнуровой керамики, комаровская, голиградская), находилось на восточной околице с. Буковна, в урочище Городище (картотека памятников археологии Ивано-Франковской области), на расстоянии около 1,5 км на восток от курганной группы № 1. Место расположения Городища — доминирующая точка над Днестром, рядом с которой, на склонах высокого берега реки, находятся древние штольни для добычи кремня, а также действующий источник питьевой воды. На расстоянии около 1,4 км на север от Городища, по сообщениям местных жителей, до недавнего времени располагалась переправа через Днестр. Поселение от могильника отделяет ручей, впадающий в Днестр к северу от села. Вдоль правого берега ручья, в направлении старой переправы, проходит грунтовая дорога. Исходя из топографических особенностей окружающего ландшафта, можно предположить, что этот спуск к Днестру мог функционировать ещё в эпоху бронзы.

Расположение в районе одной из древних переправ через Днестр, на Карпатском ответвлении трансевропейского лесостепного пути эпохи бронзы (Лысенко, Лысенко 2011: 350), и объясняет, на наш взгляд, богатство и значимость Буковнянского могильника.

Таблица 1.

Буковна, 2010 г. Результаты радиоуглеродной датировки.

№	Место отбора проб	сырьё	лаб. №	BP	BC
1	курган 1(2010), сосуд № 34	земля с нагаром с дна, 27 гр	Ki-16737	3990 ± 270	1σ 2900-2100 2σ 3400-1700
2	курган 1(2010)	кальцинированные кости	Ki-16736	3950 ± 370	1σ 2950-1900 2σ 3500-1500
3	курган 1(2010), сектор СЗ, около булавки	почва с угольками, 37 гр	Ki-16739	3640 ± 270	1σ 2500-1650 2σ 2900-1400
4	курган 1(2010), сектор ЮВ, слой 5	почва с угольками, 37 гр	Ki-16738	3540 ± 270	1σ 2300-1500 2σ 2700-1100
5	курган 1(2010), сектор СЗ, объект 3	почва с угольками, 33 гр	Ki-16735	3440 ± 170	1σ 1950-1520 2σ 2300-1300
6	курган 1(2010), сектор СВ, объект 2	уголь	Poz-39759	3410 ± 35	1σ 1750-1664 1649-1643 2σ 1872-1844 1813-1802 1777-1619
7	курган 1(2010), сектор ЮВ, слой 5	уголь	Poz-39762	3290 ± 30	1σ 1609-1526 2σ 1661-1654 1639-1497
8	курган 1(2010), сектор ЮВ, объект 1	уголь	Poz-39760	3260 ± 35	1σ 1608-1571 1561-1547 1541-1496 2σ 1620-1450
9	курган 2(2012), объект 1	почва с угольками	Ki-16740	4330 ± 570	1σ 3700-2200 2σ 4400-1500

Таблица 1 (продолжение).

№	Место отбора проб	сырьё	лаб. №	BP	BC
10	группа 2, курган 1(2013), южная часть	уголь	Poz-58471	3840 ± 35	1σ 2399-2383 2347-2271 2259-2206 2σ 2460-2201
11	группа 2, курган 1(2013), северная часть	уголь	Poz-58549	3830 ± 35	1σ 2341-2204 2σ 2459-2417 2410-2197 2167-2150
12	группа 2, курган 1(2013), объект 1	кость	Poz-58472	2925 ± 35	1σ 1194-1141 1134-1053 2σ 1260-1228 1221-1013

Таблица 2.

Буковна, 2010 г. Спектральный анализ бронзовых изделий (по Т. Ю. Гошко).

Предмет	№ ан.	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
к.1, булавка	**386**	78	0,047	0,117	0,008	0,204	-	2,346	1,741	-	-	0,047
к.1, подвеска	**387**	77,95	-	0,062	-	0,056	-	0,089	5,117	-	-	-
к.2, булавка	**385**	54,07	-	0,158	-	1,154	0,642	1,715	0,272	-	-	0,045
к.3, булавка	**761**	75,55	0,045	0,027	0,014	0,12	0,106	1,152	2,349	0,02	-	-

Таблица 3.

Буковна, 2010 г. Спектральный анализ подвески сибенирского типа из кургана № 3 (по Т. Ю. Гошко).

№ ан.	Au	Ag	Cu	Fe	Ba	Sn
760	75,25	23,39	1	0,18	0,14	0,03

Литература

Балагури Э. А. 2001. *Население Верхнего Потисья в эпоху бронзы*. Ужгород: Ужгородский национальный университет.

Березанская С. С. 1972. *Средний период бронзового века в Северной Украине*. Киев: Наукова думка.

Березанская С. С. 1999. Могильник эпохи бронзы Гордеевка на Южном Буге. *СА* 3, 131—148.

Березанская С. С., Гершкович Я. П. 1983. Андроновские элементы в срубной культуре на Украине. В: Зданович Г. Б. (ред.). *Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья*. Челябинск: Челябинский университет, 100—110.

Бобринский А. 1887. *Курганы и случайные археологические находки близ Смелы. Дневники пятилетних раскопок гр. Алексея Бобринского*. Т. I. Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича.

Вангородская О. Г. 1987. О связях культуры многоваликовой керамики по материалам украшений. В: Артёменко И. И. (ред.). *Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины*. Киев: Наукова думка, 38—48.

Гершкович Я. П. 2009. Днепровокаменский комплекс литейных форм эпохи поздней бронзы из Среднего Поднепровья. *Stratum plus* 2, 578—590.

Денисова Р. Я., Граудонис Я. Я., Гравере Р. У. 1985. *Кивуткалнский могильник эпохи бронзы*. Рига: Зинатне.

Дергачев В. А. 2011. *Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подунавья*. Вып. 2. *Кельты и серпы Нижнего Подунавья*. Кишинев: Центральная типография.

Кетрару Н. А., Синика В. С., Разумов С. Н., Тельнов Н. П. 2014. *Дубоссарские курганы*. Тирасполь: Stratum plus.

Ковальова І. Ф., Волкобой С. С. 1976. Маївський локальний варіант зрубної культури. *Археологія* 20, 3—22.

Куштан Д. П. 2013. Південь Лісостепового Подніпров'я за доби пізньої бронзи. *Археологічний альманах* 29. Донецьк: Донбас.

Литвиненко Р. А. 2006. Днепро-Донская бабинская культура (источники, ареал, погребальный обряд). *Матеріали та дослідження з археології Східної України* 5, 157—187.

Литвиненко Р. А. 2009. *Культурне коло Бабине (за матеріалами поховальних пам'яток)*: Дисс. ... доктора іст. наук. Київ: Інститут археології НАН України.

Лисенко С. Д. 1999. Козаровичський могильник доби пізньої бронзи. *Vita Antiqua* 2, 73—79.

Лысенко С. Д. 2006. Кубки маёвского типа из Среднего Поднепровья. В: Бессуднов А. Н. (ред.). *Археологическое изучение Центральной России*. Тезисы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В. П. Левенка. Липецк: Липецкий государственный педагогический университет, 181—183.

Лысенко С. Д. 2011. Реконструкция погребального обряда восточного ареала тшинецкого культурного круга (по материалам исследований последних лет). *Археологія і давня історія України* 5, 66—71.

Лысенко С. Д. 2015a. Могильник Козаровичи эпохи поздней бронзы. В: Дяченко О. В. (ред.). *Кукутень-трипільський культурний комплекс та його сусіди*. Збірник наукових праць пам'яті Володимира Опанасовича Круца. Львів: Астролябія, 463—474.

Лысенко С. Д. 2015b. К вопросу о культурной принадлежности Гордеевского могильника. *Stratum plus* 2, 207—230.

Лысенко С. Д., Лысенко С. С. 2001. Исследования на могильнике Малополовецкое-3 в 2000 г. *Археологічні відкриття в Україні* 1999—2000, 147—159.

Лысенко С. Д., Лысенко С. С. 2002. Исследования на могильнике Малополовецкое-3 в 2001 г. *Археологічні відкриття в Україні* 2000—2001, 168—177.

Лысенко С. Д., Лысенко С. С. 2003. Исследования на могильнике Малополовецкое-3 в 2002 г. *Археологічні відкриття в Україні* 2001—2002, 168—179.

Лысенко С.Д., Лысенко С.С. 2011. Сухопутные коммуникации восточного ареала тшинецкого культурного круга. В: Ignaczara M., Kośko A., Szmyt M. (Red.). Między Baltykiem a Morzem Czarnym. Szlaki międzymorza: IV — I tys. przed Chr. *Archaeologia Bimaris* 4. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 311—364.

Лисенко С. Д., Лисенко С. С. Діденко С. В. 2004. Шпильки з круглою шляпкою та вушком із зібрання Національного музею історії України. В: Ковтанюк Н. (ред.). *Національний музей історії України: поступ у третє тисячоліття*. Київ: Національний Музей Історії України, 191—196.

Лысенко С. Д., Лысенко С. С., Диденко С. В., Якубенко Е. А. 2005. Бронзовые украшения эпохи поздней бронзы — начала раннего железного века из фондов Национального музея истории Украины. В: Лисенко С. Д. (ред.). *Проблеми археології Середнього Подніпров'я*: до 15-річчя заснування Фастівського державного краєзнавчого музею. Київ—Фастів: Інститут археології Національної академії наук України, 152—200.

Лысенко С. Д. Макарович П., Кочкин И. Т., Шкляревский Е. И. 2011a. Предварительные результаты исследований могильника Буковна. *Археологічні дослідження на Україні* 2010, 226—228.

Лысенко С. Д., Лысенко С. С., Болтанюк П. А. 2011b. Булавка гордеевского круга из экспозиции Каменец-Подольского музея. В: Строкова Л. В. (ред.). *Музейні читання* (Матеріали наук. конф., грудень 2010 р.). Київ: Фенікс, 42—48.

Лысенко С. Д., Макарович П. К., Лысенко С. С., Гошко Т. Ю. 2012. Металлические изделия из курганов комаровской культуры могильника Буковна. *Археологія і давня історія України* 8, 38—42.

Лисенко С. Д., Лисенко С. С., Макарович П. К., Шкляревський Є. І., Кочкін І. Т., Фєдько В. Ф. 2013a. Дослідження Фастівської археологічної експедиції у 2011 р. *Археологічні дослідження на Україні* 2012, 204—205.

Лисенко С. Д., Лисенко С. С., Макарович П. К., Шкляревський Є. І., Кочкін І. Т., Дараган М. М., Слободян Т. І., Гаскевич Д. Л., Фєдько В. Ф. 2013b. Дослідження Фастівської археологічної експедиції у 2012 р. *Археологічні дослідження на Україні* 2012, 205—207.

Лисенко С. Д., Макарович П. К., Шкляревський Є. І., Кочкін І. Т. 2014. Дослідження Буківнянского могильника. *Археологічні дослідження на Україні* 2013, 142—143.

Лисенко С. Д., Шкляревський Є. І., Разумов С. М., Макарович П. К. 2015. Курганний могильник комарівської культури біля с. Буківна. *Археологія* 3, 58—78.

Матвиишина Ж.Н., Пархоменко А.Г., Лысенко С.Д., Макарович П. 2013. Запись природной среды в курганном могильнике Верхнего Поднестровья (на примере исследований курганного могильника Буковна в 2012 г.). В: Біланюк В.І., Іванов Є.А. (відп. ред.). *Географічна наука і практика: виклики епохи*. Міжнародна наукова

конференція, присвячена 130-річчю географії у Львівському університеті (Львів, 16—18 травня 2013 р.). Т. 2. Львів: Видавничий центр ЛНУ ім. І.Франка, 225—225.

Мимоход Р. А. 2013. Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века. *Материалы охранных археологических исследований* 16. Москва: Институт археологии Российской академии наук.

Отрощенко В. В. 2001. *Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення)*. Київ: Інститут археології Національної академії наук України.

Разумов С. Н., Лысенко С. Д., Макарович П. 2012. Кремень из кургана 1 могильника Буковна: случайность или ритуал? В: Пригарин А.А. (отв. ред.). *Человек в истории и культуре*. Вып. 2. *Мемориальный сборник материалов и исследований в память лауреата Государственной премии Украины, академика РАЕН, профессора Владимира Никифоровича Станко*. Одесса: СМИЛ, 282—289.

Слободян Т. І., Лисенко С. Д., Макарович П. К. 2014. Поховання за обрядом тілоспалення на місці з могильника комарівської культурі Буківна. *Історична антропологія та біоархеологія України* 1, 27—34.

Савва Е. Н. 1992. *Культура многоваликовой керамики Пруто-Днестровского междуречья*. Кишинев: Штиинца.

Сафронов В. А. 1968. Датировка Бородинского клада. *Проблемы археологии* 1, 75—128.

Свешников И. К. 1968. Богатые погребения комаровской культуры у с. Иванья Ровенской области. *СА* 2, 159—168.

Свєшніков І. К. 1974. *Історія населення Передкарпаття, Поділля і Волині в кінці III — на початку II тисячоліття до нашої ери*. Київ: Наукова думка.

Шарафутдинова И. Н. 1987. Бронзовые украшения сабатиновской культуры (к вопросу о контактах) В: Артёменко И. И. (отв. ред). *Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины*. Київ: Наукова думка, 69—86.

Bryk J. 1932. Tymczasowe sprawozdanie z badan archeologicznch w Bukownie, pow. Tlumacki. *Sprawozdania z posiedzeń Polskiej Akademii Umiejętności*. T. XXXVII. № 5, 21—22.

Cultura Costişa. 2001. B: Cavruc V., Dumitroaia G. (Coord.). *Cultura Costişa in contextul epocii bronzului din România*. Piatra-Neamţ: Constantin Matasă.

Gardawski A. 1959. Plemiona kulturi trzcinieckiej w Polsce. *Materiały starożytne* 5, 7—189.

Szmyt M. 1999. Between West and East Peopl of the Globular Amphora Kulture in Eastern Europe: 2950—2350 BC. *Baltic-Potnic-Studies* 8. Poznań: UAM.

Makarowicz P. 1998. *Rola spolecznosci kultury iwienskiej w genezie trzcinieckiego kregu kulturowego (2000—1600 BC)*. Poznan: UAM.

Makarowicz P. 2010. *Trzciniecki krągu kulturowy — wspólnota pogranicza Wschodu i Zachodu Europy. Poznań*: Wydawnictwo Poznańskie.

Makarowicz P., Lysenko S., Koćkin I. 2013. Wyniki badań cmentarzyska kultury komarowskiej w Bukivnej nad Górnym Dniestrem w 2010 roku. *Materiały Archeologiczne* 29, 103—123.

Morintz S. 1978. *Contibutii arheologice la istoria trasilor timpurii. Epoca bronzului in spatiul carpato-balcanic*. Vol. I. Bucuresti: Editura Academiei Republicii Socialiste România.

Muller-Karpe H. 1980. *Bronzezeit (Dritter teilband, tafeln). Handbuch der vorgeschichte*. Bd. IV. Munchen: Beck.

Petrescu-Dîmboviţa M. 1977. *Depozitele de bronzuri din România*. Bucureşti: Editura Academiei Republicii Socialiste România.

Razumow S. M. 2011. Flint artefacts of Northern Pontic populations of the early and middle Bronze Age: 3200—1600 BC. *Baltic-Potnic-Studies* 16. Poznań: UAM.

Rimantiene R., Ostrauskas T. 1998. Dem Trzcieniec gleichzeitige Siedlungen in Litauen. B: Kośko A., Czebreszuk J. (Red.). *"Trzciniec" — system kulturowy czy interkulturowy proces*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 203—215.

Rogozińska R. 1959. In *Materiały Archeologiczne* 1, 97—114.

Siwkówna I. 1937. Tymczasowe wyniki badań terenowch w Bukónej, pow. Tłumacki. *Z otchtani wieków* XIII, 67—70.

Sulimirski T. 1939. *Kurhany Komarowskie*. Stanislawów: Redactia "Złotego Szlaku".

Swiesznikow I. K. 1967. Kultura komarowska. *Archeilogia Polski* 12. Z. 1, 39—107.

References

Balaguri, Je. A. 2001. *Naselenie Verhnego Potis'ja v jepohu bronzy (The population of the Upper Potyssye in the Bronze Age)*. Uzhgorod: "Uzhhorod National University" (in Russian).

Berezanskaja, S. S. 1972. *Srednij period bronzovogo veka v Severnoj Ukraine (The Average Period of the Bronze Age in Northern Ukraine)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Berezanskaja, S. S. 1999. In *Sovetskaja arheologija (Soviet archaeology)* 3, 131—148 (in Russian).

Berezanskaja, S. S., Gershkovich, Ja. P. 1983. Andronovskie jelementy v srubnoj kul'ture na Ukraine. B: Zdanovich, G. B. (ed.). Bronzovyj vek stepnoj polosy Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ja. Cheljabinsk: "Cheljabinskij universitet", 100—110 (in Russian).

Bobrinskij, A. 1887. *Kurgany i sluchajnye arheologicheskie nahodki bliz Smely. Dnevniki pjatiletnih raskopok gr. Alekseja Bobrinskogo (Mounds and random archaeological finds near Smela. Blogs of five-year excavation of Count Alexei Bobrinsky)*. Vol. I. Saint Petersbourg: “Tipografija M. M. Stasjulevicha” Publ. (in Russian).

Vangorodskaja, O. G. 1987. In *Mezhplemennye svjazi jepohi bronzy na territorii Ukrainy (International relations of the Bronze Age on the territory of Ukraine)*. Kiev: “Naukova dumka” Publ., 38—48 (in Russian).

Gershkovich, Ja. P. 2009. In *Stratum plus* 2, 578—590 (in Russian).

Denisova, R. Ja., Graudonis, Ja. Ja., Gravere, R. U. 1985. *Kivutkalnskij mogil'nik jepohi bronzy (Kivutkalns Burial of the Bronze Age)*. Riga: “Zinatne” Publ. (in Russian).

Dergachev, V. A. 2011. *Topory-kel'ty pozdnej bronzy Karpato-Podunav'ja (Axes, Celts Late Bronze Age of the Carpathian-Danube region)*. Vol. 2. *Kel'ty i serpy Nizhnego Podunav'ja* (*Celts and sickles of Lower Danube region*). Kishinev: “Central'naja tipografija” Publ. (in Russian).

Ketraru, N. A., Sinika, V. S., Razumov, S. N., Tel'nov, N. P. 2014. *Dubossarskie kurgany (Dubossars mounds).* Tiraspol: “Stratum plus” Publ. (in Russian).

Koval'ova, I. F., Volkoboj, S. S. 1976. In *Arheologija (Archaeology)* 20, 3—22 (in Russian).

Kushtan, D. P. 2013. In *Arheologichnij al'manah (Archaeological almanac)* 29. Donec'k: “Donbas” Publ. (in Ukrainian).

Litvinenko, R. A. 2006. In *Materiali ta doslidzhennja z arheologiï Shidnoï Ukraïni (Materials and research on the archeology of Ukraine)* 5, 157—187 (in Ukrainian).

Litvinenko, R. A. 2009. *Kul'turne kolo Babine (za materialami pohoval'nih pam’jatok) (Cultural circle Bobino (based on funerary monuments))*. Dr. hab. Thesis. Kiev: Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine (in Ukrainian).

Lisenko, S. D. 1999. In *Vita Antiqua* 2, 73—79 (in Ukrainian).

Lysenko, S. D. 2006. In *Arheologicheskoe izuchenie Central'noj Rossii. (Archaeological study of Central Russia)*. Lipeck: Lipeckij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 181—183 (in Russian).

Lysenko, S. D. 2011. In *Arheologija i davnja istorija Ukraïni (Archaeology and Ancient History of Ukraine)* 5, 66—71 (in Russian).

Lysenko, S. D. 2015a. In *Kukuten'-tripil's'kij kul'turnij kompleks ta jogo susidi (Cucuteni-Trypillian cultural complex and its neighbors)*. L'viv: “Astroljabija” Publ., 463—474 (in Ukrainian).

Lysenko, S. D. 2015b. In *Stratum plus* 2, 207—230 (in Russian).

Lysenko, S. D., Lysenko, S. S. 2001. In *Arheologichni vidkrittja v Ukraïni 1999—2000 (Archaeological discoveries in Ukraine)*, 147—159 (in Ukrainian).

Lysenko, S. D., Lysenko, S. S. 2002. In *Arheologichni vidkrittja v Ukraïni 2000—2001 (Archaeological discoveries in Ukraine)*, 168—177 (in Ukrainian).

Lysenko, S. D., Lysenko, S. S. 2003. In *Arheologichni vidkrittja v Ukraïni 2001—2002 (Archaeological discoveries in Ukraine)*, 168—179 (in Ukrainian).

Lysenko, S.D., Lysenko, S.S. 2011. In *Archaeologia Bimaris* 4. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 311—364 (in Russian).

Lisenko, S. D., Lisenko, S. S. Didenko, S. V. 2004. In *Nacional'nij muzej istoriï Ukraïni: postup u trete tisjacholittja (The National Museum of Ukraine: Towards the Third Millennium)*. Kiev: “National Museum of History of Ukraine”, 191—196 (in Ukrainian).

Lysenko, S. D., Lysenko, S. S., Didenko, S. V., Jakubenko, E. A. 2005. In *Problemi arheologii Seredn'ogo Podniprov’ja: do 15-richchja zasnuvannja Fastivs'kogo derzhavnogo kraeznavchogo muzeju (Problems of archeology of the Middle Dnieper: the 15th anniversary of the founding of the state Fastovsky local museum)*. Kiev—Fastov: “Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine”, 152—200 (in Ukrainian).

Lysenko, S. D. Makarovich, P., Kochkin, I. T., Shkljarevskij, E. I. 2011a. In *Arheologichni doslidzhennja na Ukraini 2010 (Archaeological research in Ukraine 2010)*, 226—228 (in Ukrainian).

Lysenko, S. D., Lysenko, S. S., Boltanjuk, P. A. 2011b. In *Muzejni chitannja (Museums reading)*. Kiev: “Feniks” Publ., 42—48 (in Ukrainian).

Lysenko, S. D., Makarovich, P., Lysenko, S. S., Goshko, T. Ju. 2012. In *Arheologija i davnja istorija Ukraini 2008* (*Archaeology and ancient history of Ukraine 2008*), 38—42 (in Ukrainian).

Lisenko, S. D., Lisenko, S. S., Makarovich, P., Shkljarevs'kij, E. I., Kochkin, I. T., Fed'ko, V. F. 2013a. In *Arheologichni doslidzhennja na Ukraini 2012 (Archaeological research in Ukraine 2012)*, 204—205 (in Ukrainian).

Lisenko, S. D., Lisenko, S. S., Makarovich, P. K., Shkljarevs'kij, E. I., Kochkin, I. T., Daragan, M. M., Slobodjan, T. I., Gaskevich, D. L., Fed'ko, V. F. 2013b. In *Arheologichni doslidzhennja na Ukraini 2012 (Archaeological research in Ukraine 2012)*, 205—207 (in Ukrainian).

Lisenko, S. D., Makarovich, P. K., Shkljarevs'kij, E. I., Kochkin, I. T. 2014. In *Arheologichni doslidzhennja na Ukraini 2013 (Archaeological research in Ukraine 2013)*, 142—143 (in Ukrainian).

Lisenko, S. D., Shkljarevs'kij, E. I., Razumov, S. M., Makarovich, P. K. 2015. In *Arheologija (Archaeology)* 3, 58—78 (in Ukrainian).

Matviishina, Zh. N., Parhomenko, A. G., Lysenko, S. D., Makarovich, P. 2013. In *Geografichna nauka i praktika: vikliki epohi (Geographical Science and Practice: Challenges era).* Vol. 2. L'viv: “Vidavnichij centr LNU im. I. Franka” Publ., 225—225 (in Ukrainian).

Mimohod, R. A. 2013. In *Materialy ohrannyh arheologicheskih issledovanij (Materials conservation of archaeological research)* 16. Moscow: “Institut arheologii Rossijskoj akademii nauk” (in Russian).

Otroshhenko, V. V. 2001. In *Problemi periodizacii kul'tur seredn'oi ta pizn'oi bronzi pivdnja Shidnoi Evropi (kul'turno-stratigrafichni zistavlennja) (Problems of periodizatsii cultures serednoi that piznoi Bronzi pivdnya Shidnoi Europe (cultural stratigrafichni zistavlennya)).* Kiev: “Institut arheologii Nacional'noj akademii nauk Ukrainy” (in Ukrainian).

Razumov, S. N., Lysenko, S. D., Makarovich, P. 2012. *In Chelovek v istorii i kul'ture (The man in the history and culture).* Vol. 2. Odessa: “SMIL” Publ., 282—289 (in Ukrainian).

Slobodjan, T. I., Lisenko, S. D., Makarovich, P. K. 2014. In *Istorichna antropologija ta bioarheologija Ukraini (Historical Anthropology and bioarheolohiya of Ukraine)* 1, 27—34 (in Ukrainian).

Savva, E. N. 1992. *Kul'tura mnogovalikovoj keramiki Pruto-Dnestrovskogo mezhdurech'ja (Culture pottery with a lot of files from the Prut-Dniester).* Kishinev: “Shtiinca” Publ. (in Russian).

Safronov, V. A. 1968. In *Problemy arheologii (Problems of archaeology)* 1, 75—128 (in Russian).

Sveshnikov, I. K. 1968. In *Sovetskaja arheologija (Soviet archaeology)* 2, 159—168 (in Russian).

Sveshnikov, I. K. 1974. *Istorija naselennja Peredkarpattja, Podillja i Volini v kinci III — na pochatku II tisjacholittja do nashoi eri (History of Precarpathians population, Podolia and Volyn of end III — the beginning of II millennium BC).* Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Ukrainian).

Sharafutdinova, I. N. 1987. In *Mezhplemennye svjazi jepohi bronzy na territorii Ukrainy (Inter-tribal communication of the Bronze Age on the territory of Ukraine).* Kiev: “Naukova dumka” Publ., 69—86 (in Russian).

Bryk, J. 1932. In *Sprawozdania z posiedzeń Polskiej Akademii Umiejętności* T. XXXVII. № 5, 21—22.

Cultura Costişa. 2001. B: Cavruc V., Dumitroaia G. (Coord.). *Cultura Costişa in contextul epocii bronzului din România*. Piatra-Neamţ: “Constantin Matasă” Publ.

Gardawski, A. 1959. In *Materiały starożytne* 5, 7—189.

Szmyt, M. 1999. In *Baltic-Potnic-Studies* 8. Poznań: “UAM” Publ.

Makarowicz, P. 1998. *Rola spolecznosci kultury iwienskiej w genezie trzcinieckiego kregu kulturowego (2000—1600 BC).* Poznan: “UAM” Publ.

Makarowicz, P. 2010. *Trzciniecki krągu kulturowy — wspólnota pogranicza Wschodu i Zachodu Europy. Poznań*: “Wydawnictwo Poznańskie” Publ.

Makarowicz, P., Lysenko, S., Koćkin, I. 2013. In *Materiały Archeologiczne* 29, 103—123.

Morintz, S. 1978. *Contibutii arheologice la istoria trasilor timpurii. Epoca bronzului in spatiul carpato-balcanic.* Vol. I. Bucuresti: “Editura Academiei Republicii Socialiste România” Publ.

Muller-Karpe, H. 1980. *Bronzezeit (Dritter teilband, tafeln). Handbuch der vorgeschichte*. Bd. IV. Munchen: “Beck” Publ.

Petrescu-Dîmboviţa, M. 1977. *Depozitele de bronzuri din România.* Bucureşti: “Editura Academiei Republicii Socialiste România” Publ.

Razumow, S. M. 2011. In *Baltic-Potnic-Studies* 16. Poznań: “UAM” Publ.

Rimantiene, R., Ostrauskas, T. 1998. In *“Trzciniec” — system kulturowy czy interkulturowy proces*. Poznań: “Wydawnictwo Poznańskie” Publ., 203—215.

Rogozińska, R. 1959. In *Materiały Archeologiczne* 1, 97—114.

Siwkówna, I. 1937. In *Z otchtani wieków* XIII, 67—70.

Sulimirski, T. 1939. *Kurhany Komarowskie*. Stanislawów: “Redactia “Złotego Szlaku” ” Publ.

Swiesznikow, I. K. 1967. In *Archeilogia Polski* 12. Z. 1, 39—107.

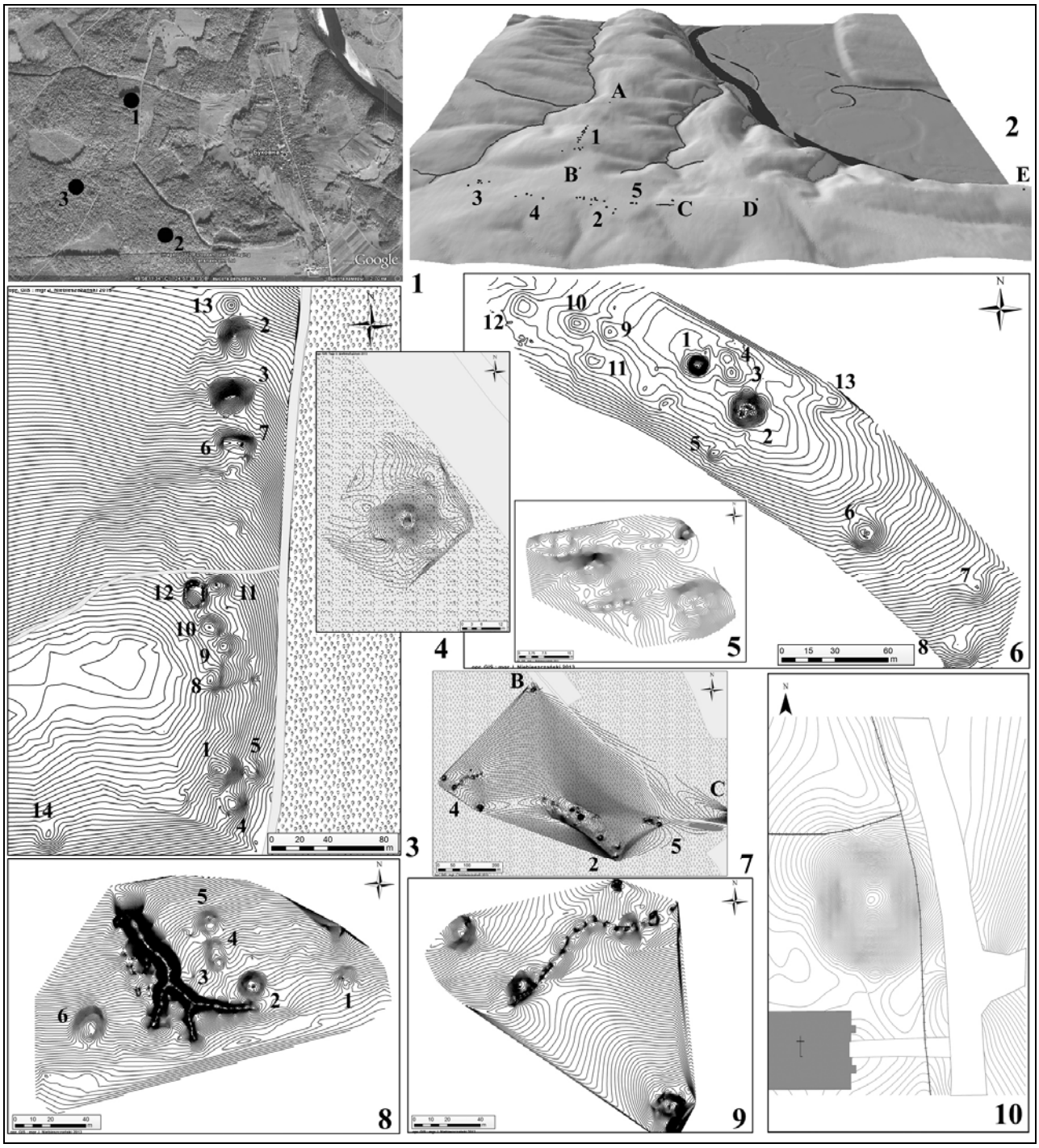

Рис. 1. Буковна: 1 — ситуационный план расположения основных курганных групп (№ 1, 2, 3); 2 — 3D модель Буковнянского могильника; 3 — курганная группа № 1; 4 — одиночный курган B рядом с грунтовой дорогой; 5 — курганная группа № 5; 6 — курганная группа № 2; 7 — курганные группы № 2, 4, 5 и одиночные курганы B и C; 8 — курганная группа № 3; 9 — курганная группа № 4; 10 — одиночный курган D у костёла (по Лисенко, Шкляревський, Разумов, Макарович 2015: рис. 1).

Fig. 1. Bukowna: 1 — situational plan of arrangement of the main burial groups (No 1, 2, 3); 2 — 3D model of Bukowno burial; 3 — Barrow Group No 1; 4 — B single mound next to a dirt road; 5 — Kurgan group No 5; 6 — Barrow Group No 2; 7 — Barrow Group No 2, 4, 5 and single mounds B and C; 8 — Barrow Group No 3; 9 — Kurgan group No 4; 10 — D single mound at the church (after Lysenko, Shklyarevsky, Razumov, Makarovich 2015: fig. 1.).

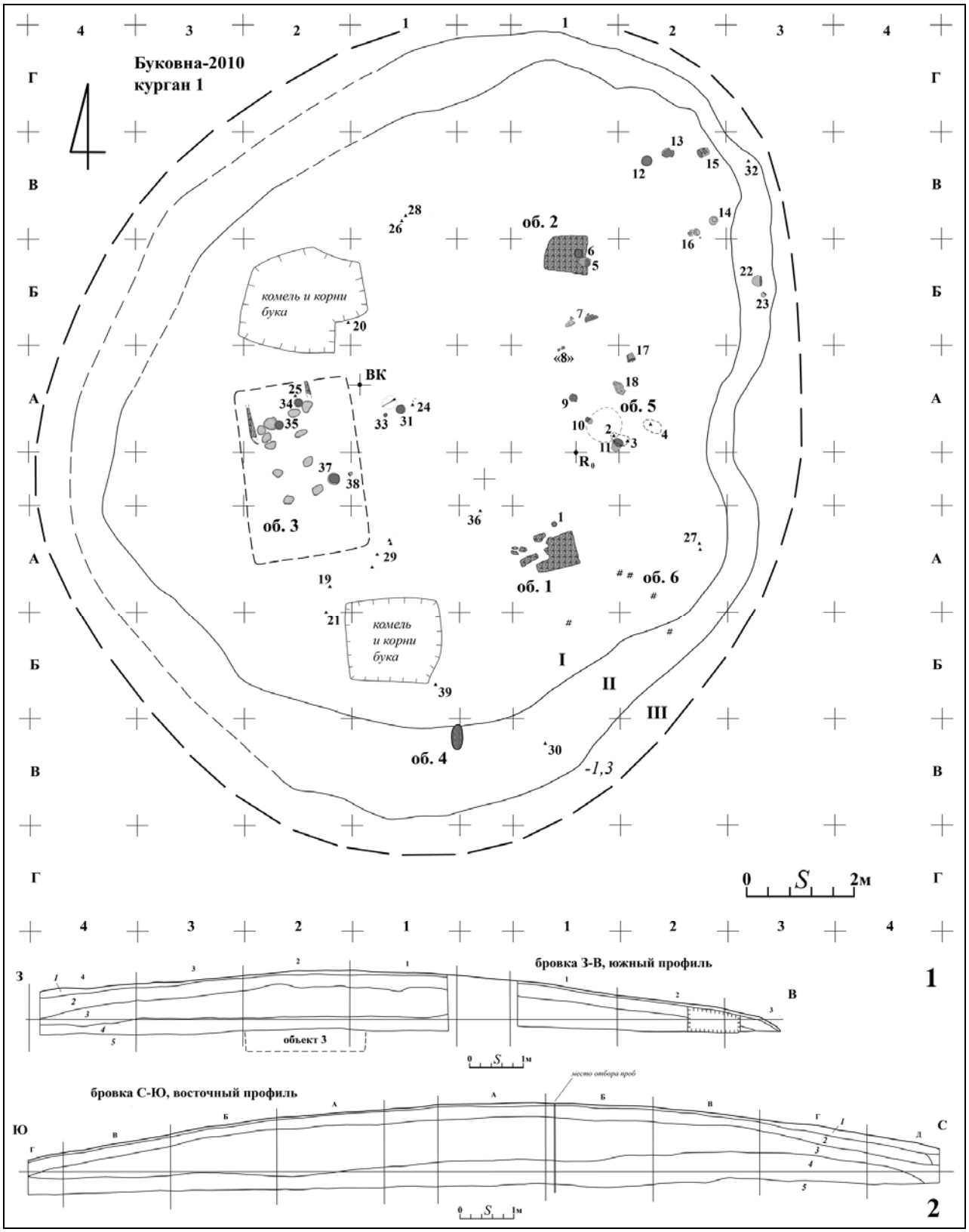

Рис. 2. Буковна, курган № 1 (2010): 1 — план; 2 — профили бровок (1 — дёрн; 2 — светло-серый лёгкий суглинок; 3 — вальковая кладка из кусков плотного бурого суглинка; 4 — тёмный гумусированный горизонт; 5 — серовато-бурый суглинок).

Fig. 2. Bukowna, mound No 1 (2010): 1 — Plan; 2 — baulk profile (1 — turf; 2 — light gray light loam; 3 — roller masonry pieces of thick brown loam; 4 — dark humified horizon; 5 — grayish-brown loam).

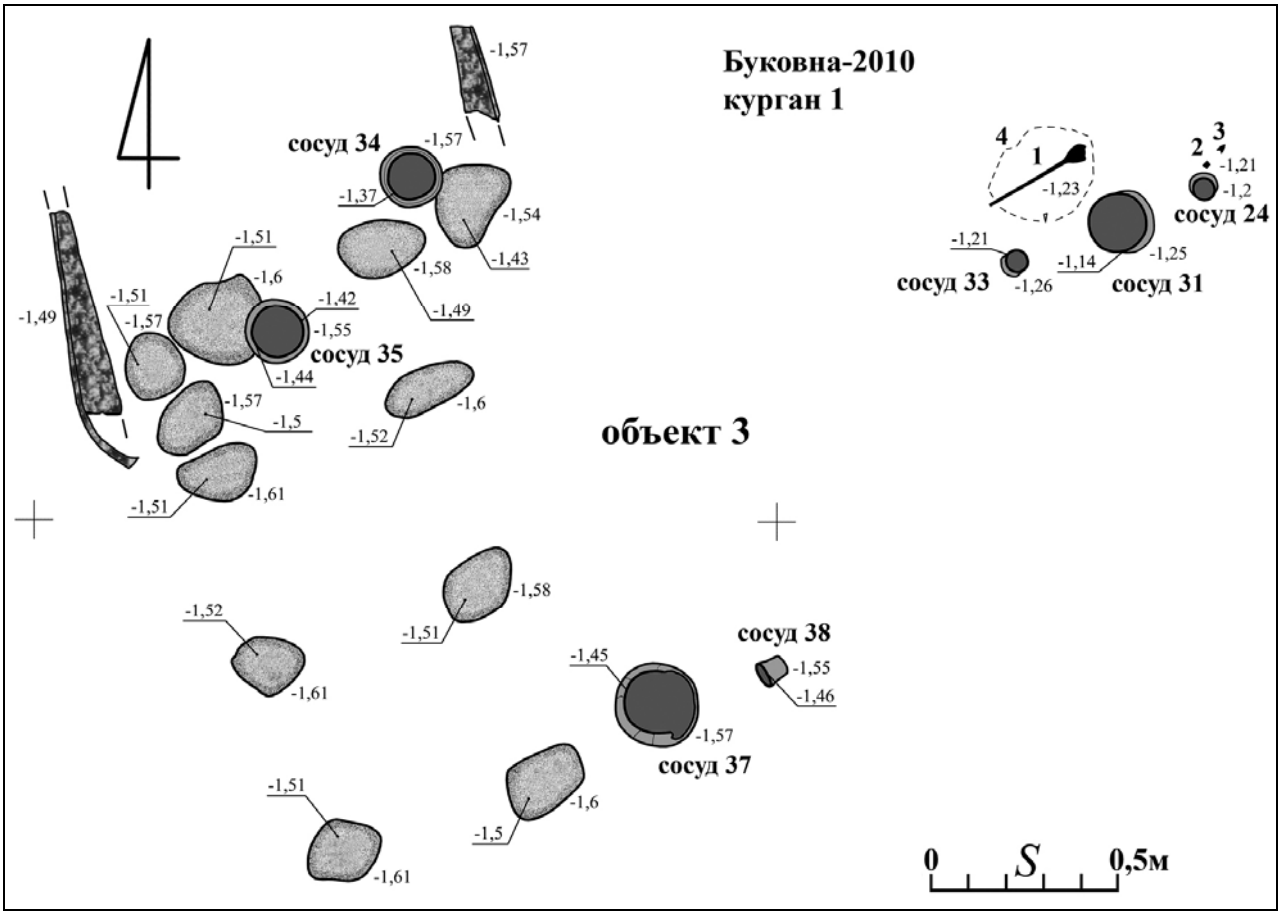

Рис. 3. Буковна, курган № 1 (2010), объект № 3: 1 — бронзовая булавка; 2 — бронзовая пронизь; 3 — кремневый наконечник стрелы; 4 — следы органики.

Fig. 3. Bukowna, mound No 1 (2010), object No 3: 1 — bronze pin; 2 — bronze bead; 3 — flint arrowhead, 4 — traces of organic matter.

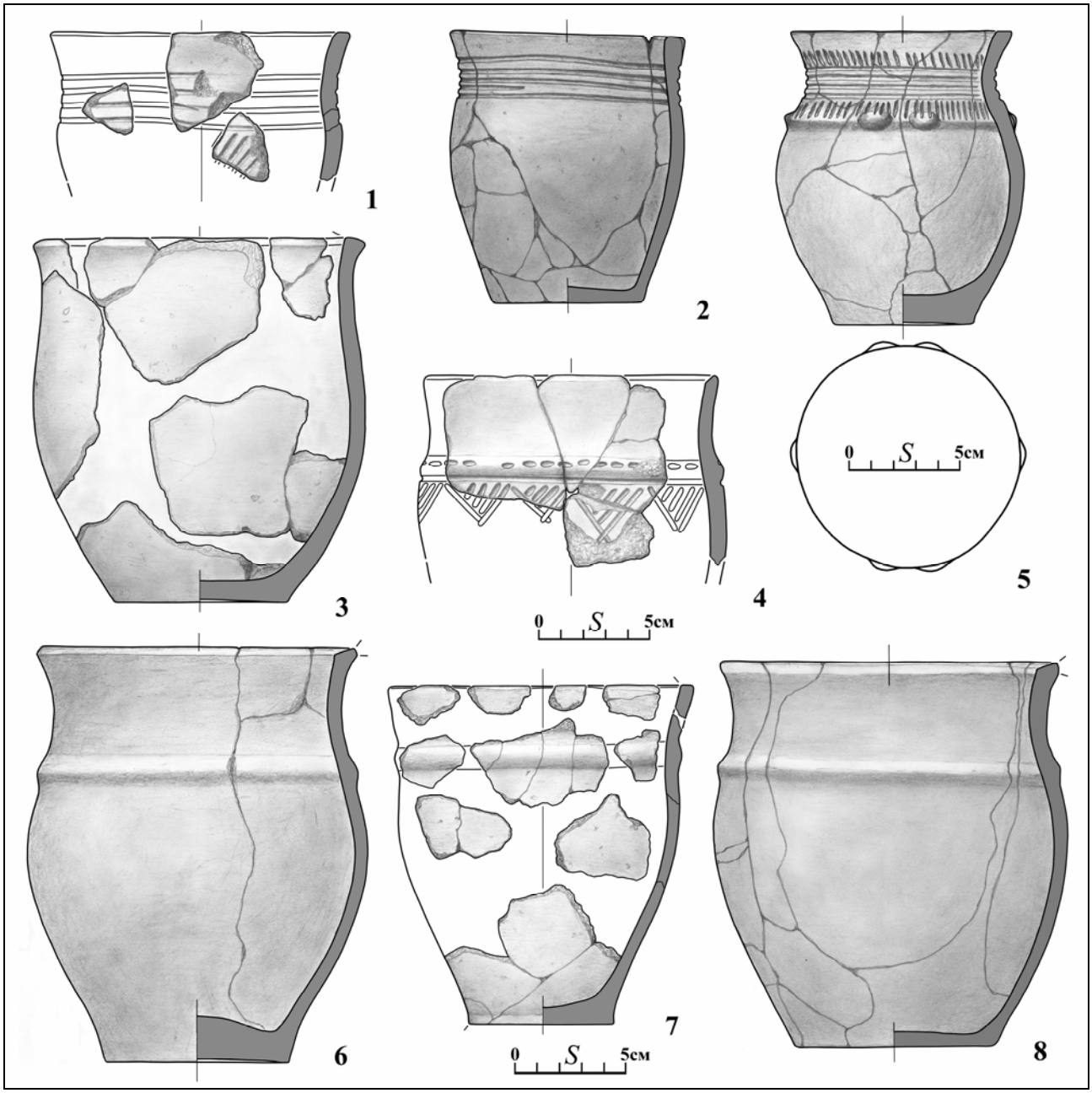

Рис. 4. Буковна, керамические сосуды из кургана № 1 (2010).

Fig. 4. Bukowna, ceramic vessels from the mound No 1 (2010).

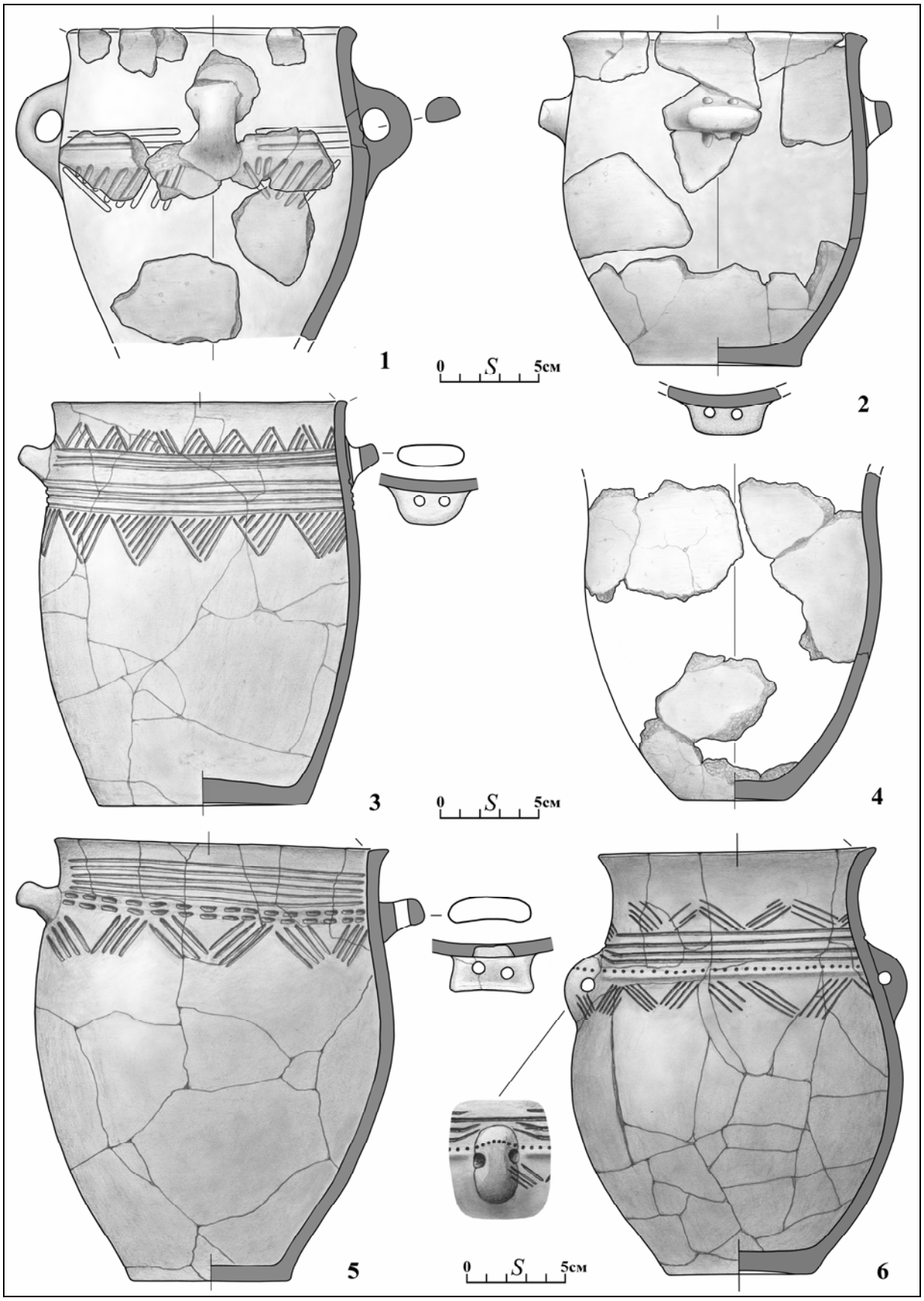

Рис. 5. Буковна, керамические сосуды из кургана № 1 (2010).

Fig. 5. Bukowna, ceramic vessels from the mound No 1 (2010).

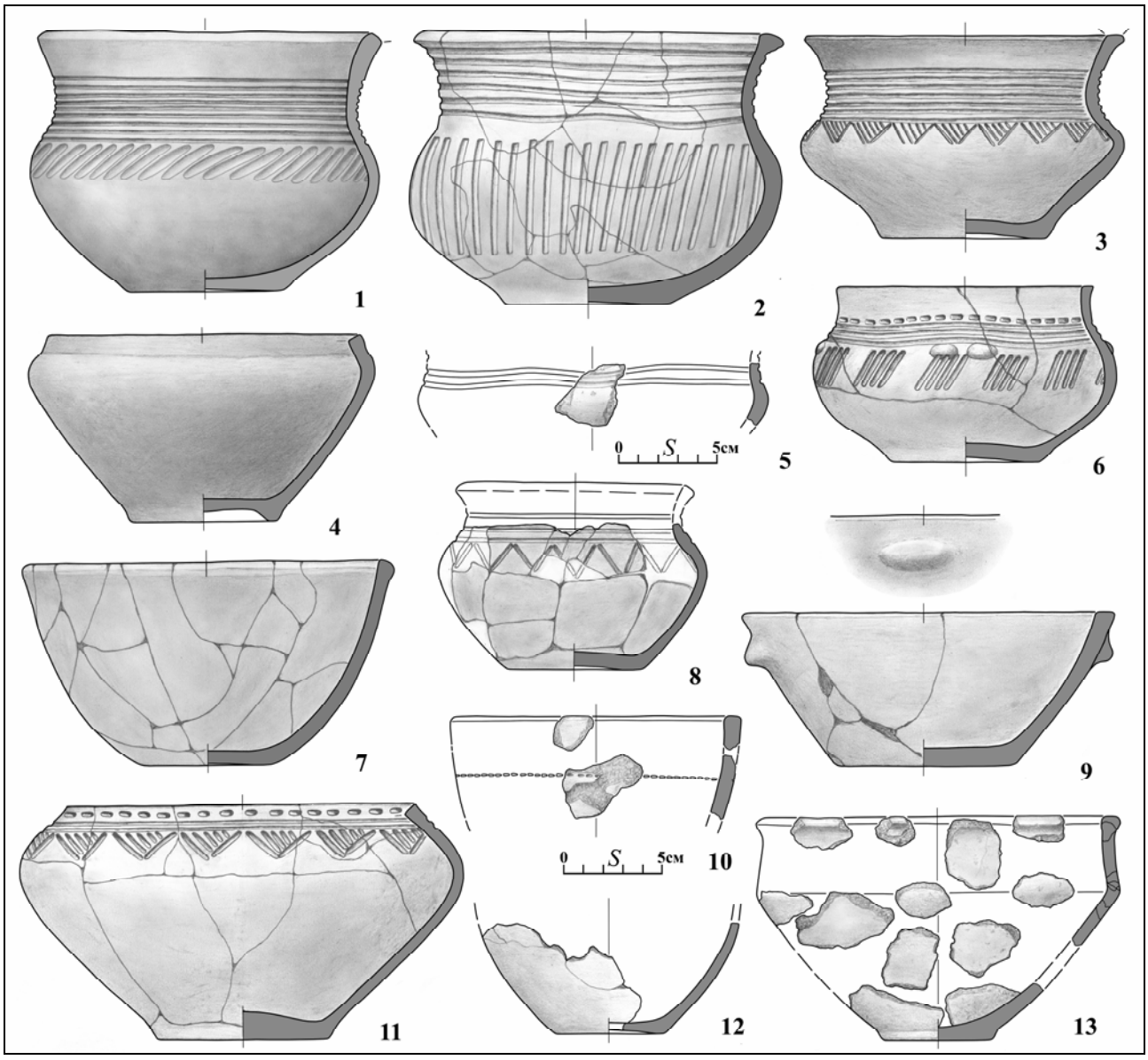

Рис. 6. Буковна, керамические сосуды из кургана № 1 (2010).

Fig. 6. Bukowna, ceramic vessels from the mound No 1 (2010).

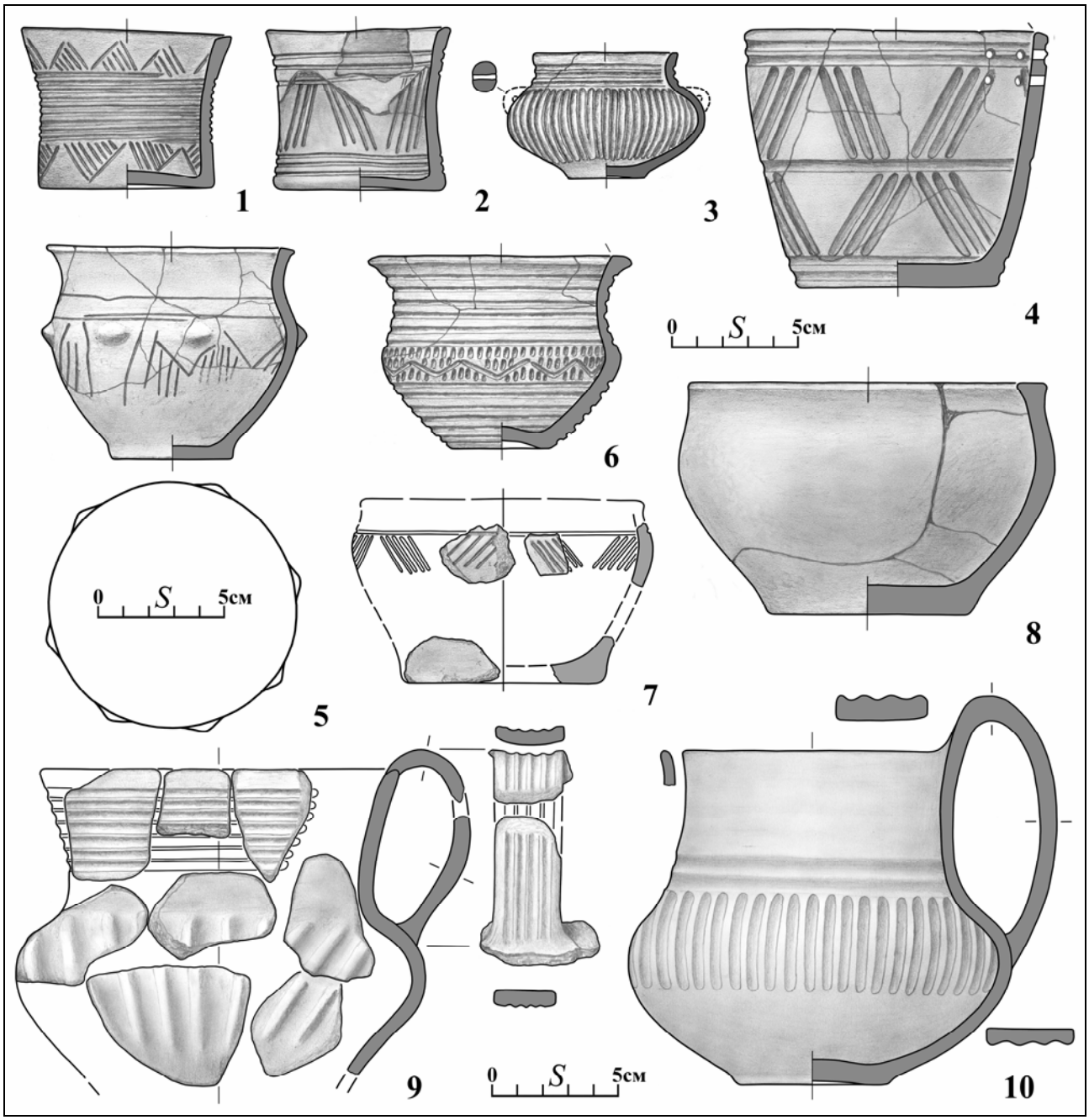

Рис. 7. Буковна, керамические сосуды из кургана № 1 (2010).

Fig. 7. Bukowna, ceramic vessels from the mound No 1 (2010).

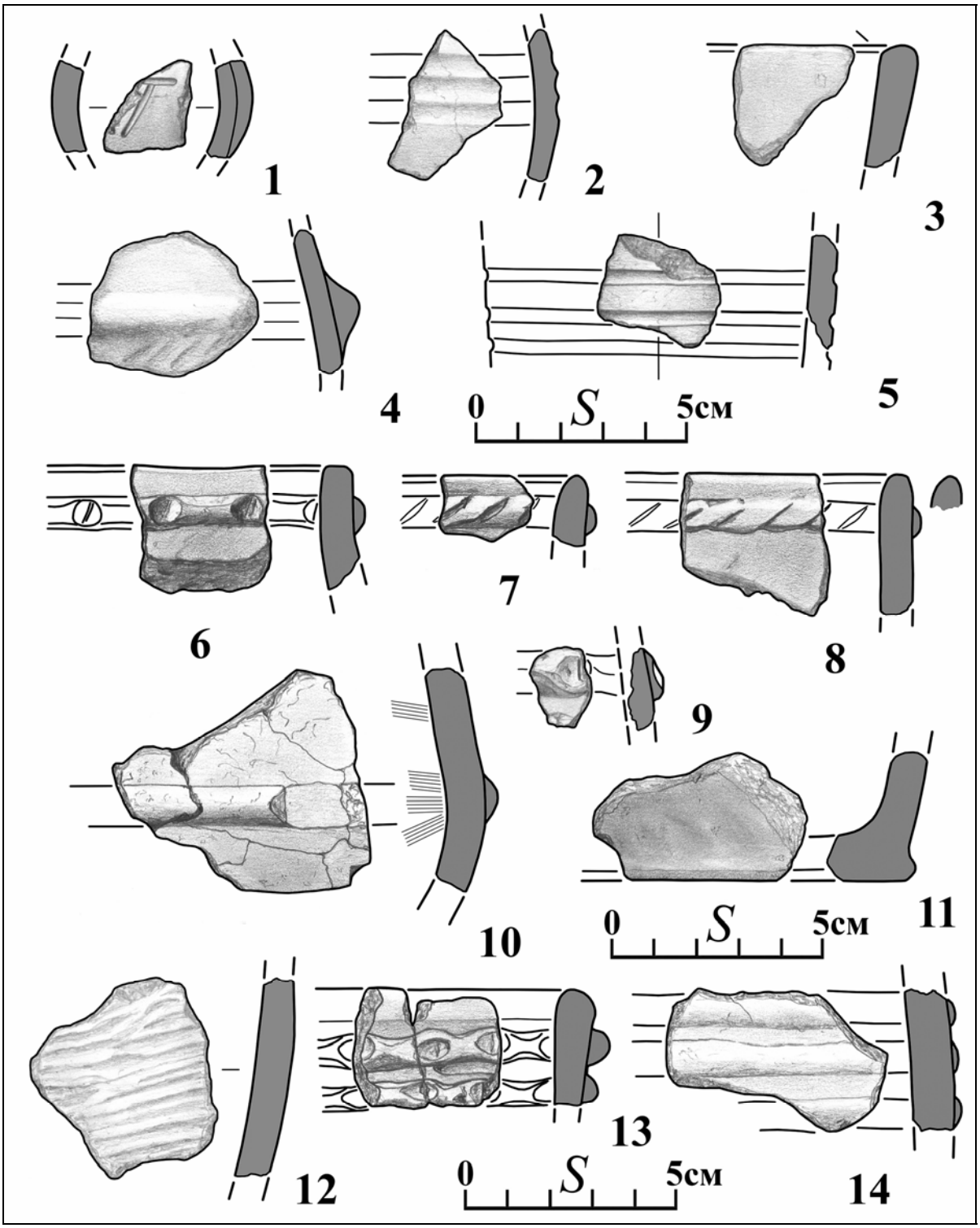

Рис. 8. Буковна: 1—5 — фрагменты сосудов тшинецкого типа из кургана № 1 (2010); 6—11 — фрагменты сосудов бабинского типа из кургана № 1 (2010); 12 — фрагмент сосуда из скопления керамики эпохи ранней-средней бронзы (объект № 5) из кургана № 2 (2012); 13—14 — фрагменты сосудов бабинского типа из кургана № 2 (2012).

Fig. 8. Bukowna: 1—5 — fragments of vessels Trzciniec type of mound No 1 (2010); 6—11 — fragments of vessels Babinski type of mound No 1 (2010); 12 — a fragment of pottery vessels from the accumulation of the Early-Middle Bronze Age (object No 5) from the mound No 2 (2012); 13—14 — fragments of vessels Babinski type of mound No 2 (2012).

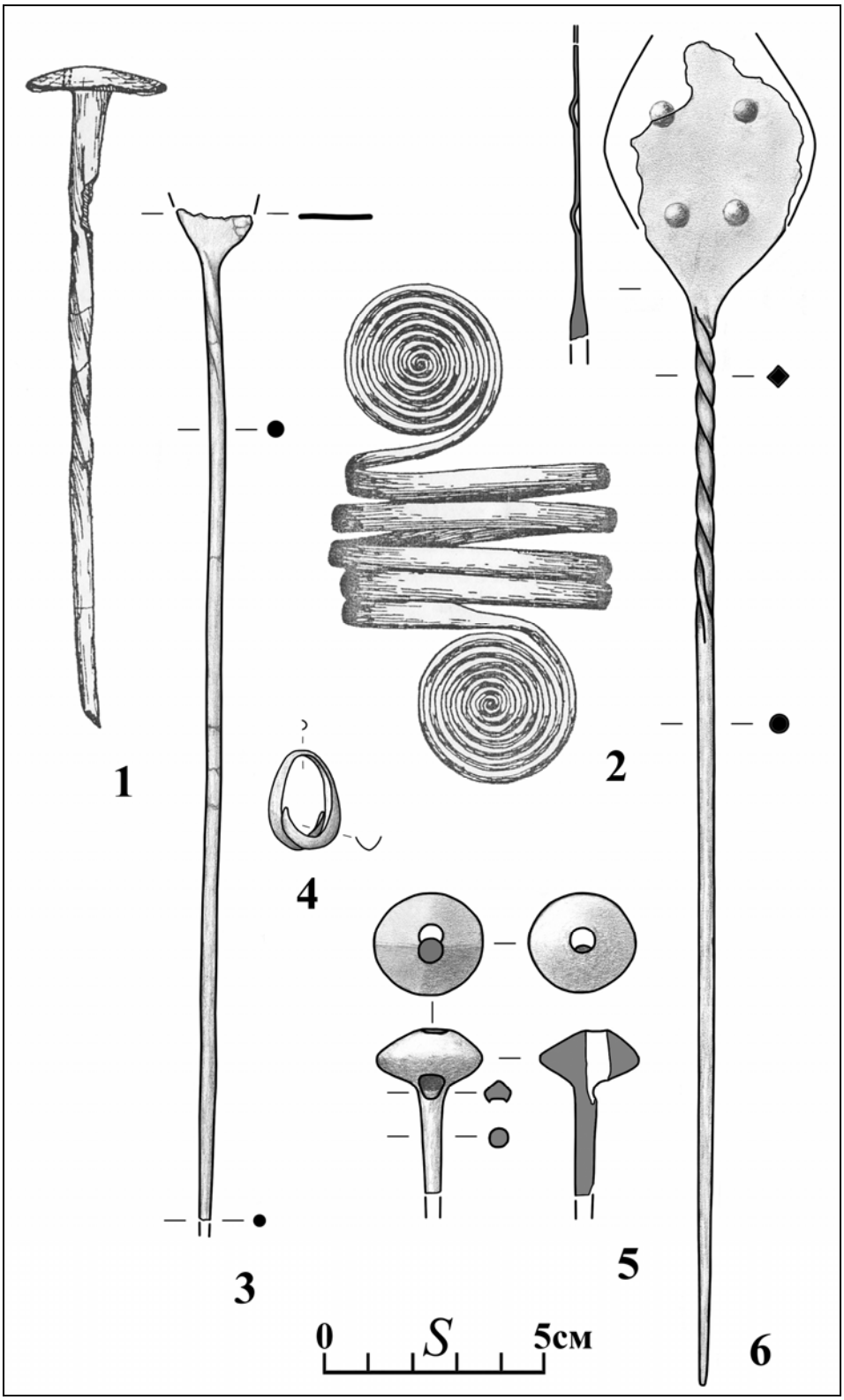

Рис. 9. Буковна: 1 — бронзовые изделия из кургана III (1937 г.) (по Sivkóvna 1937); 3—4 — булавка и подвеска из кургана № 3 (2012); 5 — булавка из кургана № 2 (2012); 6 — булавка из кургана № 1 (2010).

Fig. 9. Bukowna: 1 — bronze ware from the mound III (1937) (after Sivkóvna 1937); 3—4 — pin and pendant from the mound No 3 (2012); 5 — pin from the mound No 2 (2012); 6 — pin from the mound No 1 (2010).

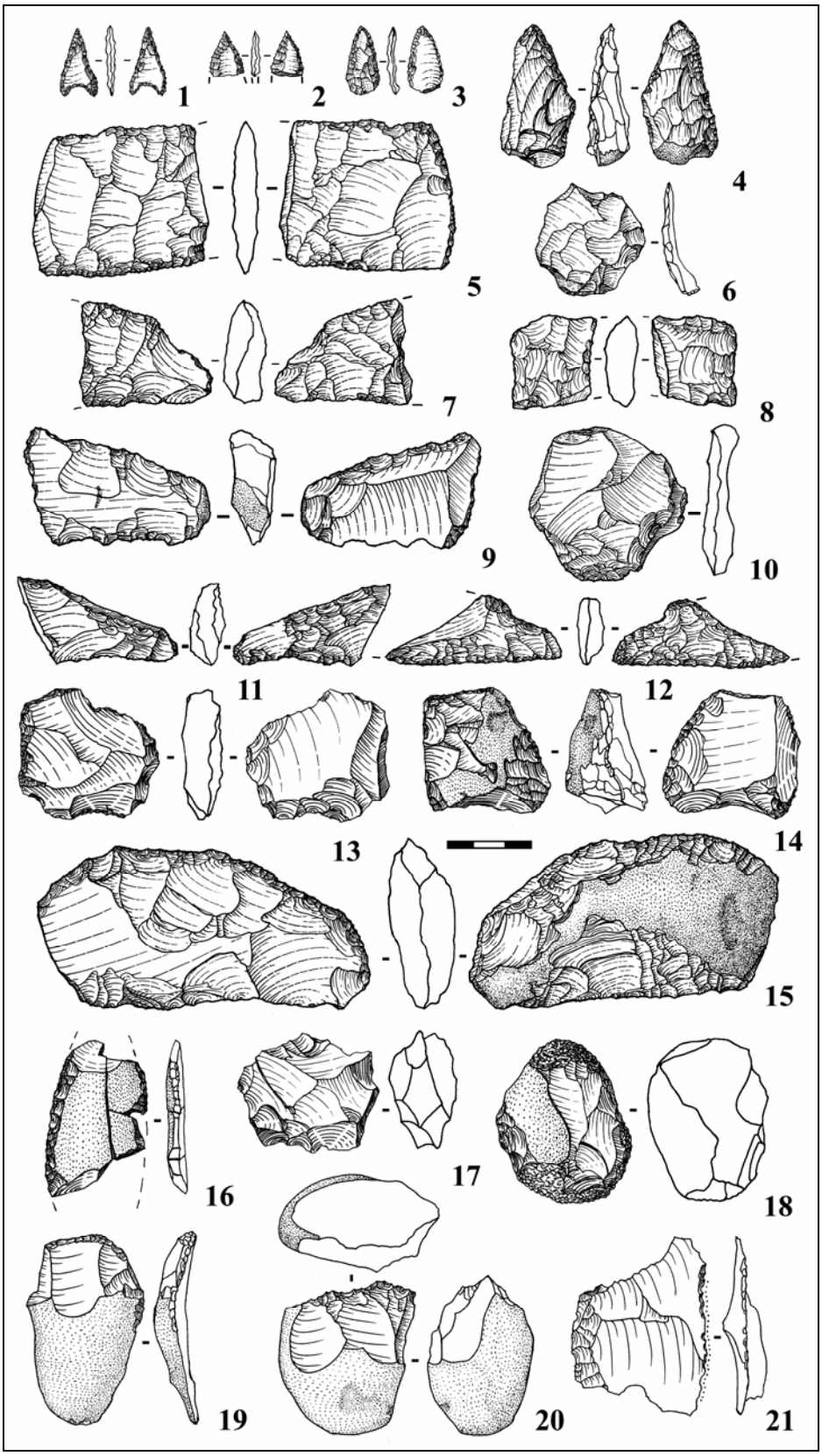

Рис. 10. Буковна, кремневые изделия эпохи поздней бронзы: 1—15 — курган № 1 (2010); 16—18 — курган № 2 (2012); 19—21 — курган № 3 (2012).

Fig. 10. Bukowna, flint items Late Bronze Age: 1—15 — Barrow No 1 (2010); 16—18 — Barrow No 2 (2012); 19—21 — Barrow No 3 (2012).

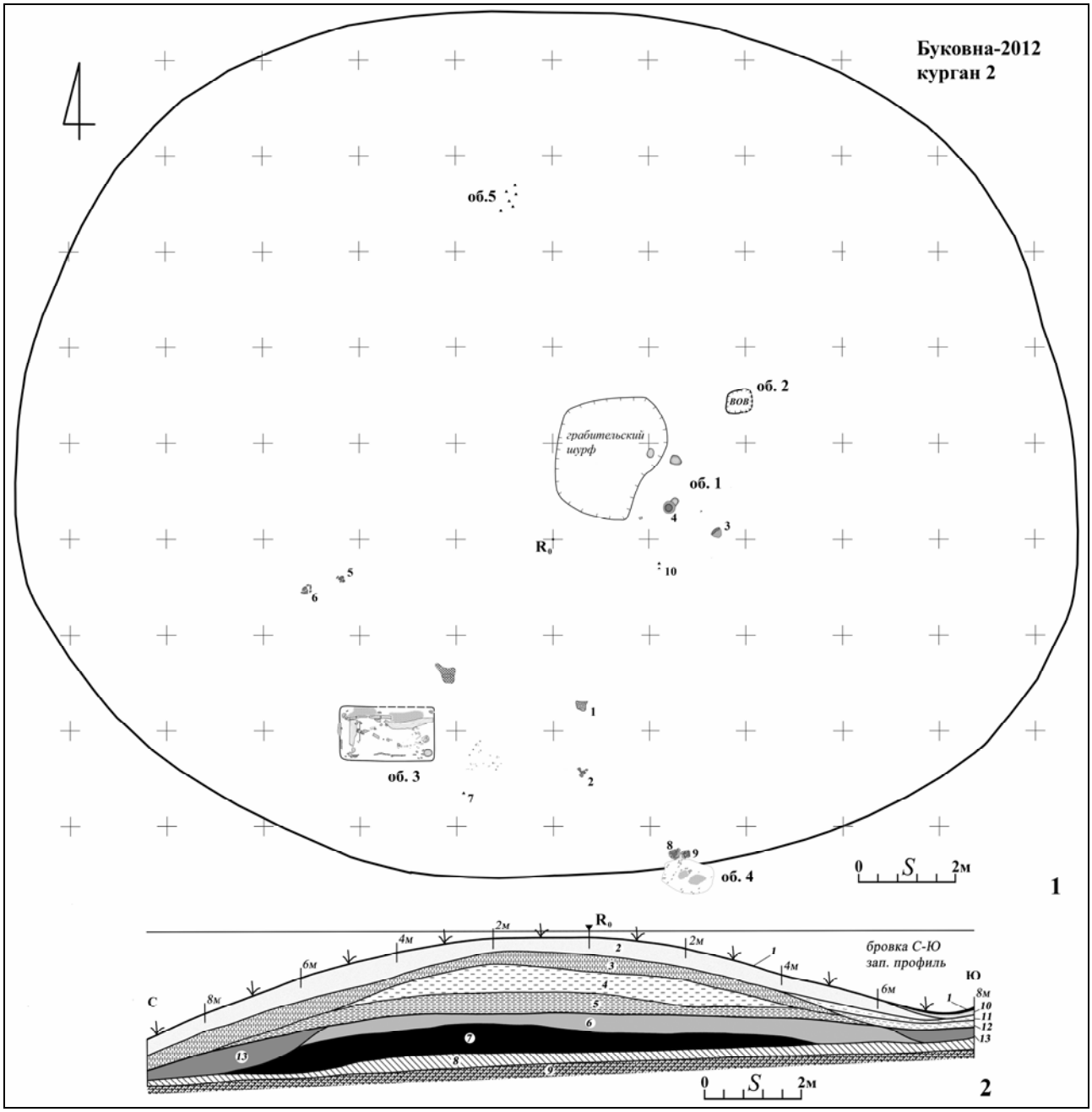

Рис. 11. Буковна, курган № 2 (2012): 1 — план; 2 — западный профиль бровки север-юг (1 — дёрн; 2 — жёлтая супесь; 3 — серые вальки верхней части насыпи; 4 — белёсые вальки; 5 — бурые вальки; 6 — бурая погребённая почва; 7 — чёрная погребённая почва; 8 — подпочва жёлтая с чёрным; 9 — жёлтый материковый суглинок; 10 — серая супесь; 11 — глеистая подпочва с жёлтыми включениями; 12 — серый глей; 13 — буро-чёрная погребённая почва).

Fig. 11. Bukowna, mound No 2 (2012): 1 — plan; 2 — Western profile edge of the north-south (1 — turf; 2 — yellow sandy loam; 3 — gray paddles top of the mound; 4 — whitish paddles; 5 — brown paddles; 6 — brown buried soil; 7 — black buried soil; 8 — subsoil is yellow with black; 9 — yellow loam mainland; 10 — gray sandy loam; 11 — Gley subsoil with yellow inclusions; 12 — Grey Gley; 13 — brown-black soil is buried).

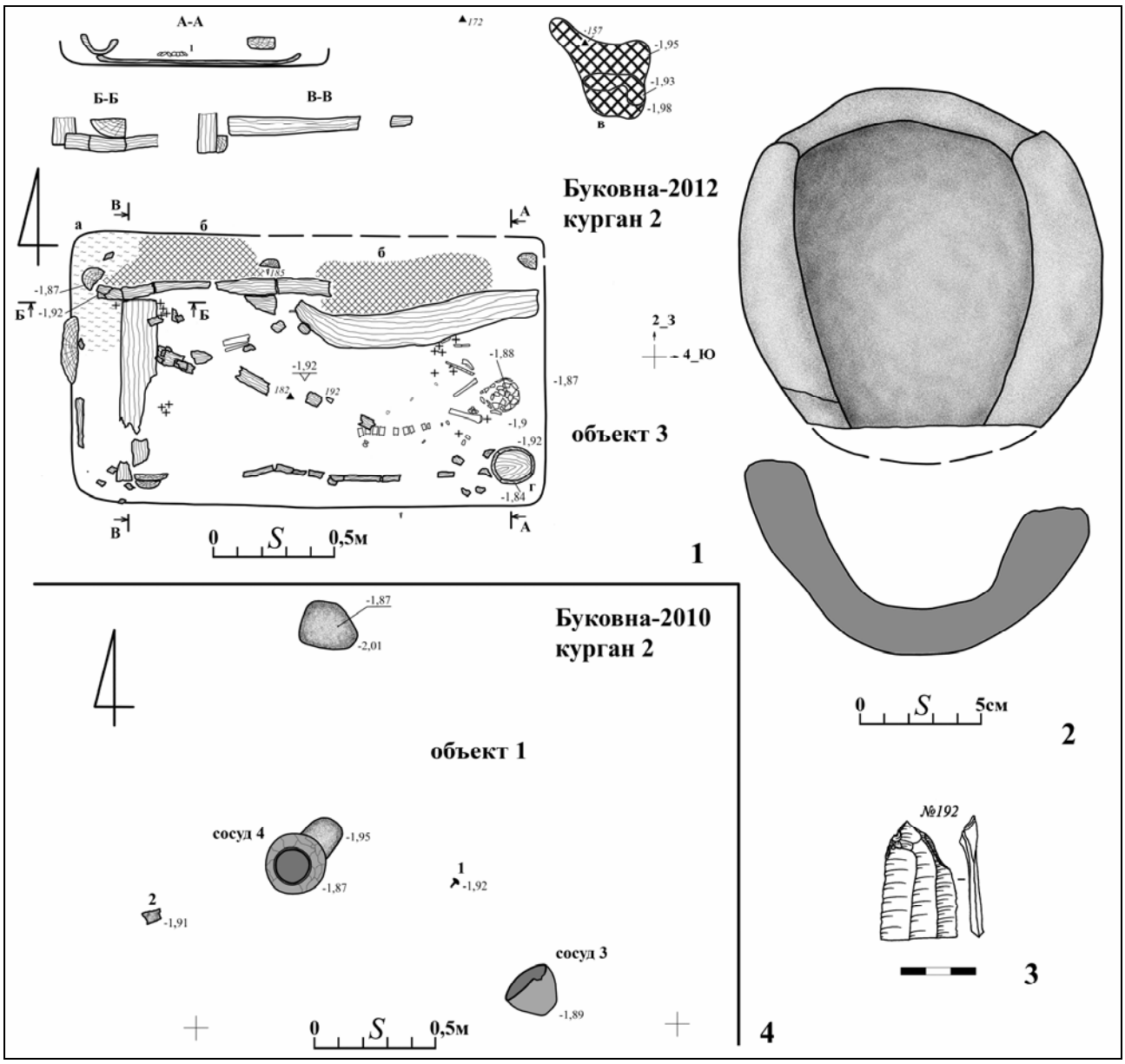

Рис. 12. Буковна, курган № 2 (2012): 1 — объект № 3 (а — серовато-зеленоватая глеистая обмазка; б — прокалённая обмазка; в — пятно красной охры; г — деревянный сосуд); 2 — деревянный сосуд из объекта № 3; 3 — фрагмент кремневого орудия трипольской культуры из засыпки объекта № 3; 4 — объект №1 (1 — бронзовая булавка; 2 — древесный уголь).

Fig. 12. Bukowna, mound number 2 (2012): 1 — object number 3 (a — grayish-greenish Glay coating; б — hardened coating; в — spot of red ocher; г — a wooden vessel); 2 — a wooden vessel from the object No 3; 3 — a fragment of flint tools Tripoli culture of the filling facility No 3; 4 — Object No 1 (1 — bronze pin; 2 — charcoal).

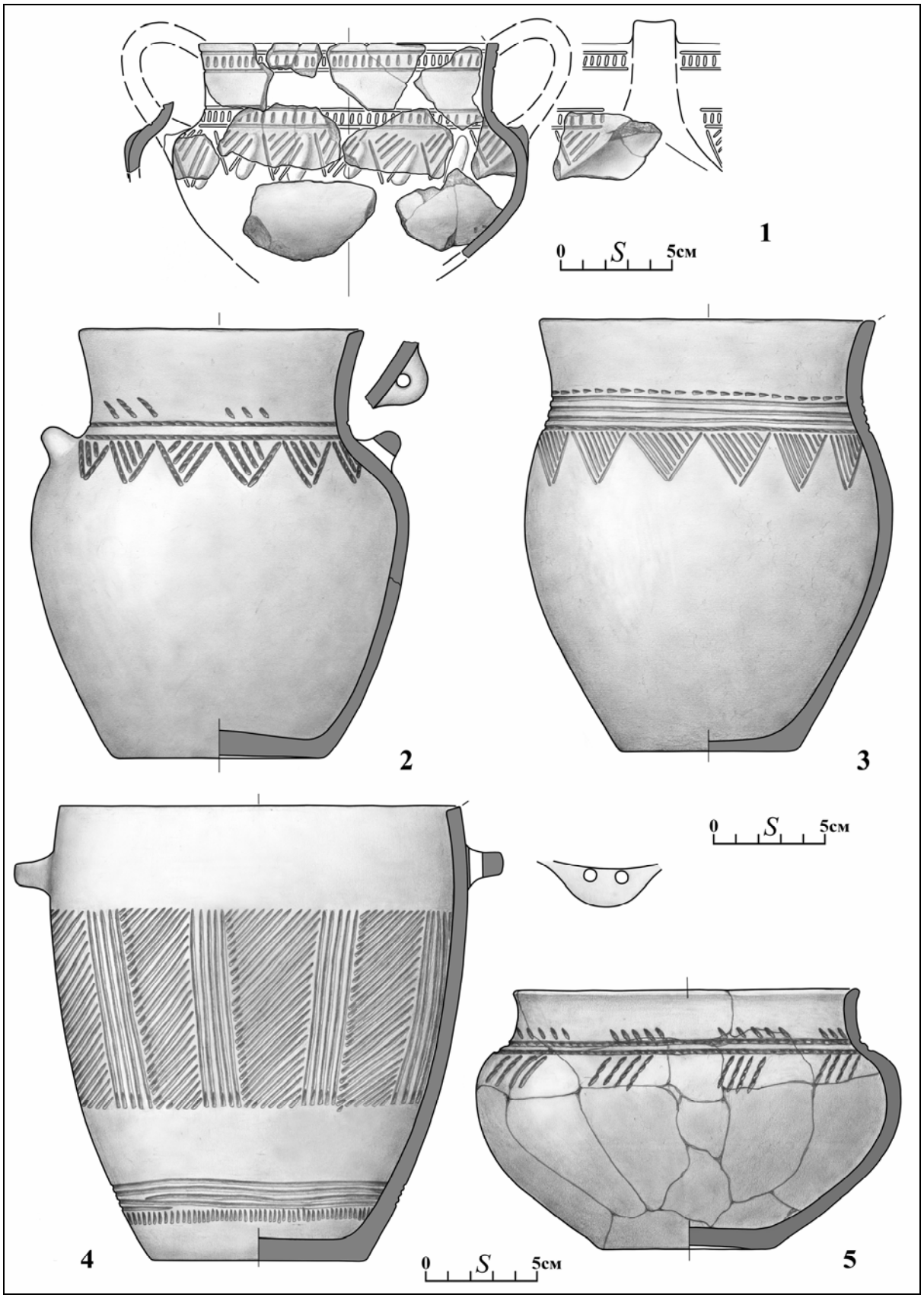

Рис. 13. Буковна, керамические сосуды из кургана № 2 (2012).

Fig. 13. Bukowna, ceramic vessels from the mound No 2 (2012).

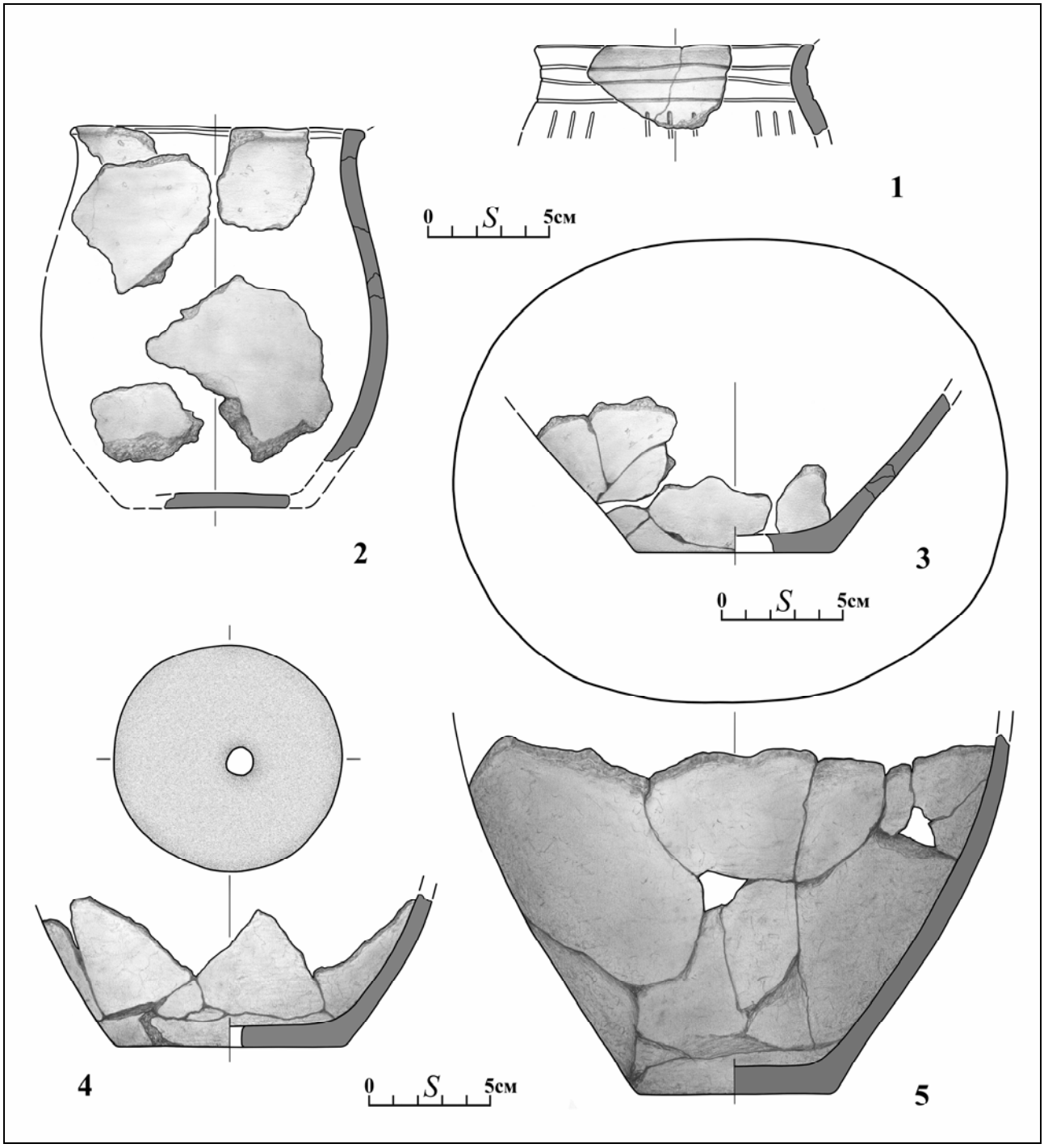

Рис. 14. Буковна, керамические сосуды из кургана № 2 (2012).

Fig. 14. Bukowna, ceramic vessels from the mound No 2 (2012).

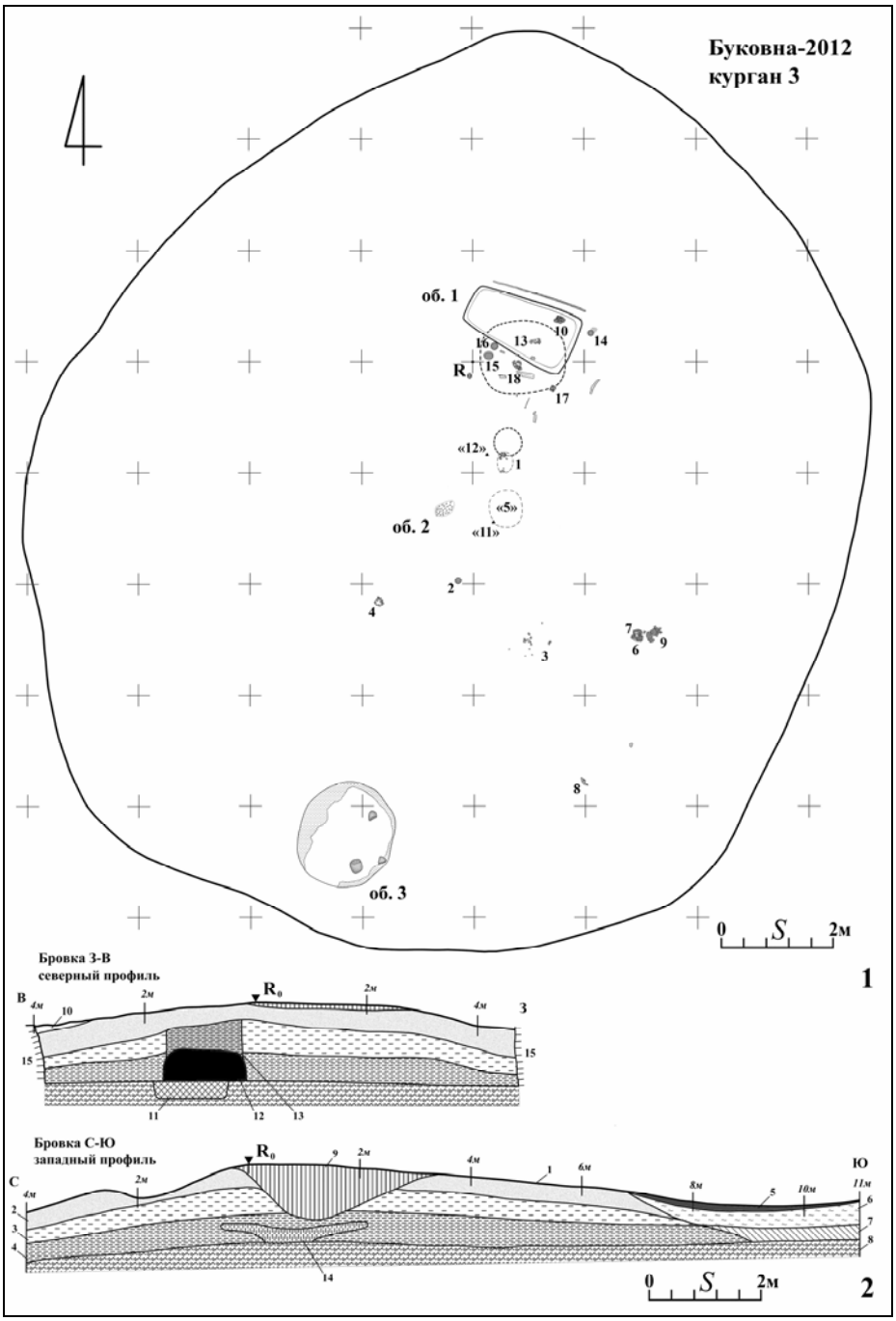

Рис. 15. Буковна, курган № 3 (2012): 1 — план; 2 — профили бровок (1 — дёрн; 2 — жёлтая супесь; 3 — светлая вальковая кладка верхней части насыпи; 4 — тёмная вальковая кладка ядра насыпи; 5 — гумусированный затёк; 6 — глеистая подпочва; 7 — бурая почва; 8 — бурая супесь — материк; 9 — окоп Великой Отечественной войны; 10 — супесь — выкид из окопа; 11 — угол ямы объекта № 1; 12 — «алтарь» из чёрной почвы; 13 — вальковая кладка с вкраплениями чёрной почвы; 14 — глеистая беловато-серая почва с вкраплениями глины; 15 — пень).

Fig. 15. Bukowna, mound No 3 (2012): 1 — Plan; 2 — baulk profiles (1 — turf; 2 — yellow sandy loam; 3 — light roller laying the top of the mound; 4 — dark roller masonry mound nucleus; 5 — humified drip; 6 — Glay subsoil; 7 — brown soil; 8 — brown sandy loam — Mainland; 9 — trench of Great Patriotic War; 10 —sandy loam — soil from the trench; 11 — the angle of the hole of the object No 1; 12 — “altar” of the black soil; 13 — roller masonry interspersed with black soil; 14 — Glay whitish-gray soil interspersed with clay; 15 — the stump).

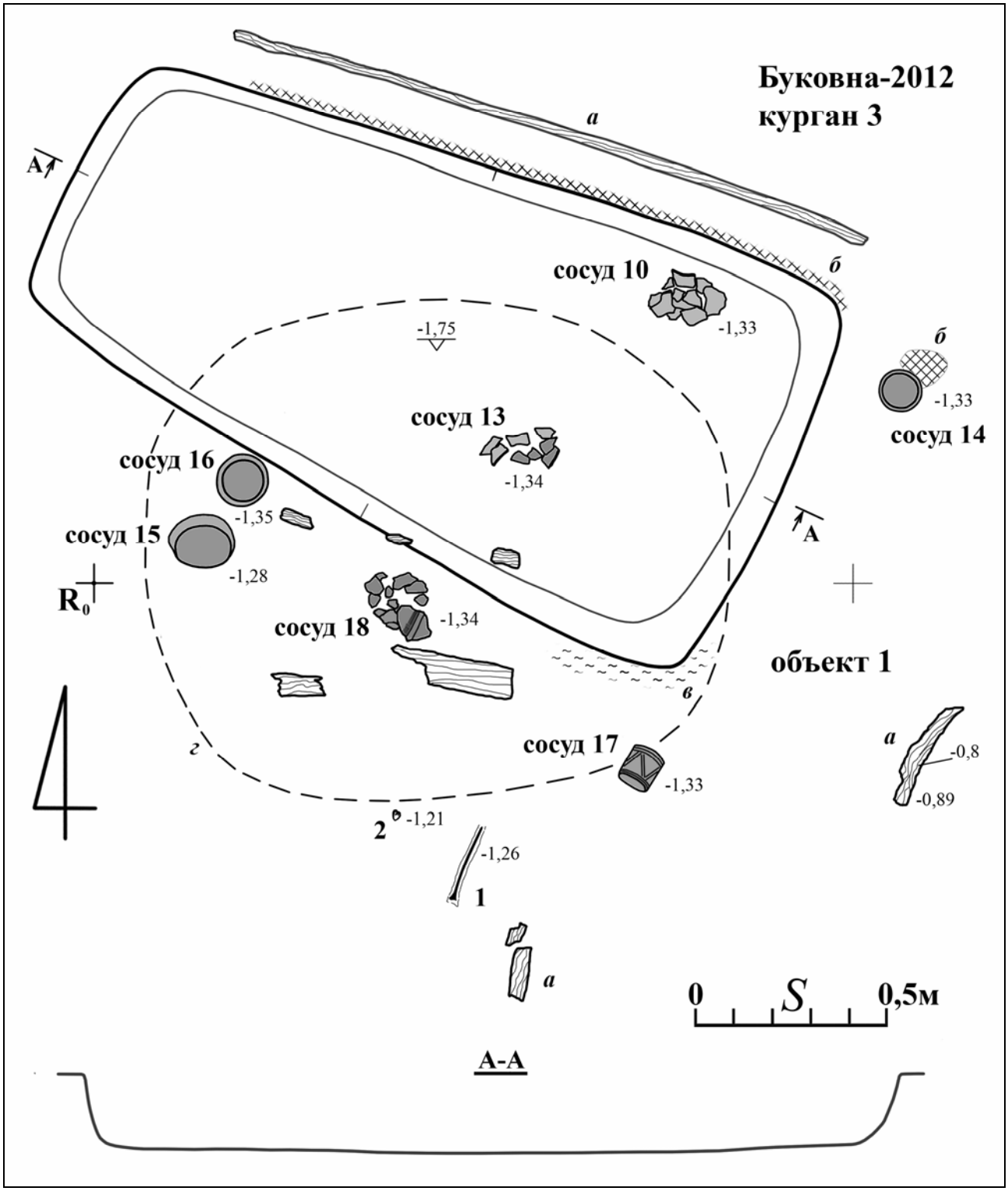

Рис. 16. Буковна, курган № 3 (2012), объект № 1: 1 — бронзовая булавка; 2 — золотая подвеска; а — древесный уголь; б — прокалённая обмазка; в — глеистая жёлтая обмазка; г — «алтарь» из чёрной почвы.

Fig. 16. Bukowna, mound No 3 (2012), the object No 1: 1 — bronze pin; 2 — golden pendant; а — charcoal, б — hardened coating, в — yellow Glay coating, г — “altar” of the black soil).

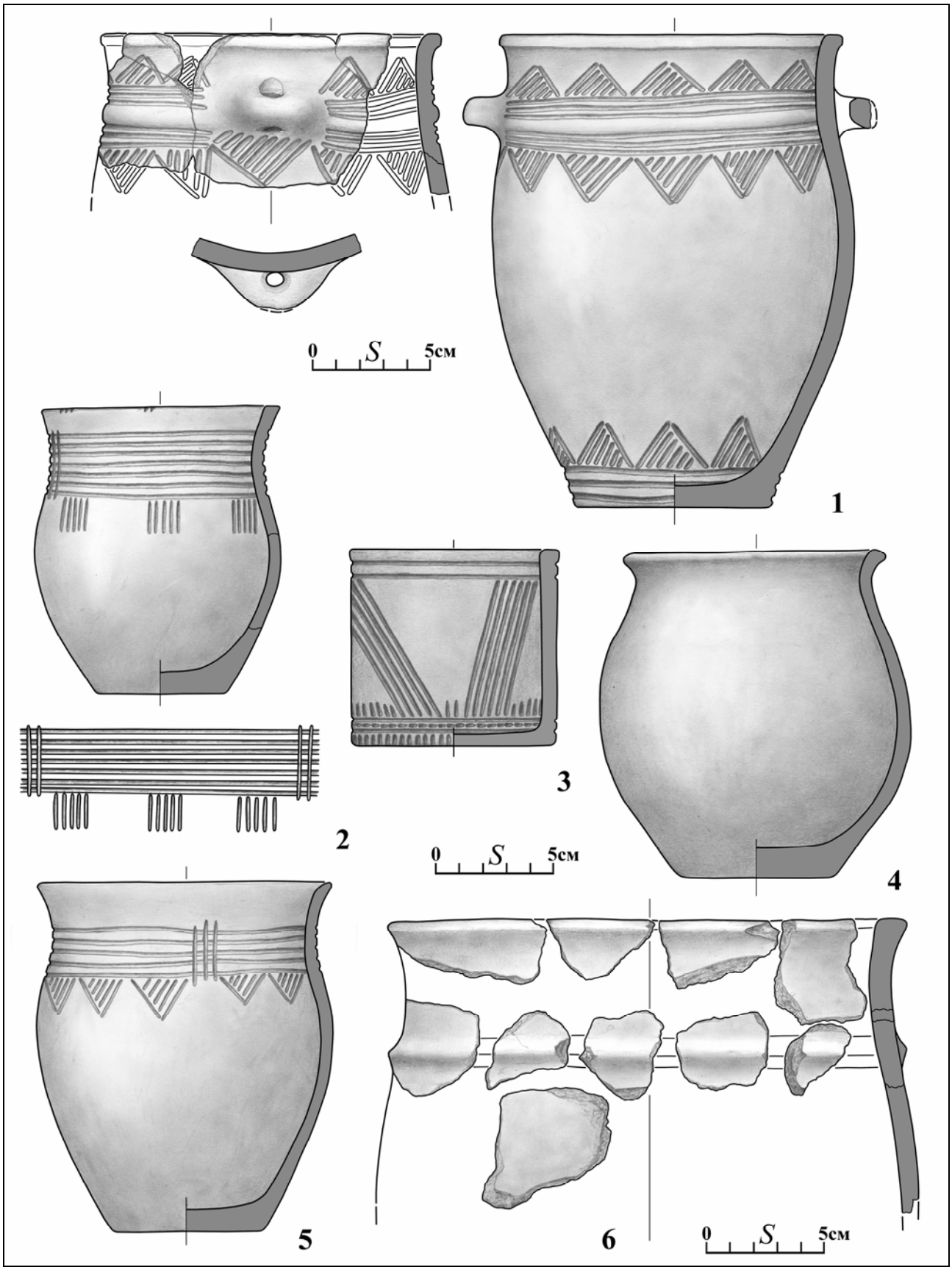

Рис. 17. Буковна, керамические сосуды из кургана № 3 (2012).

Fig. 17. Bukowna, ceramic vessels from the mound No 3 (2012).

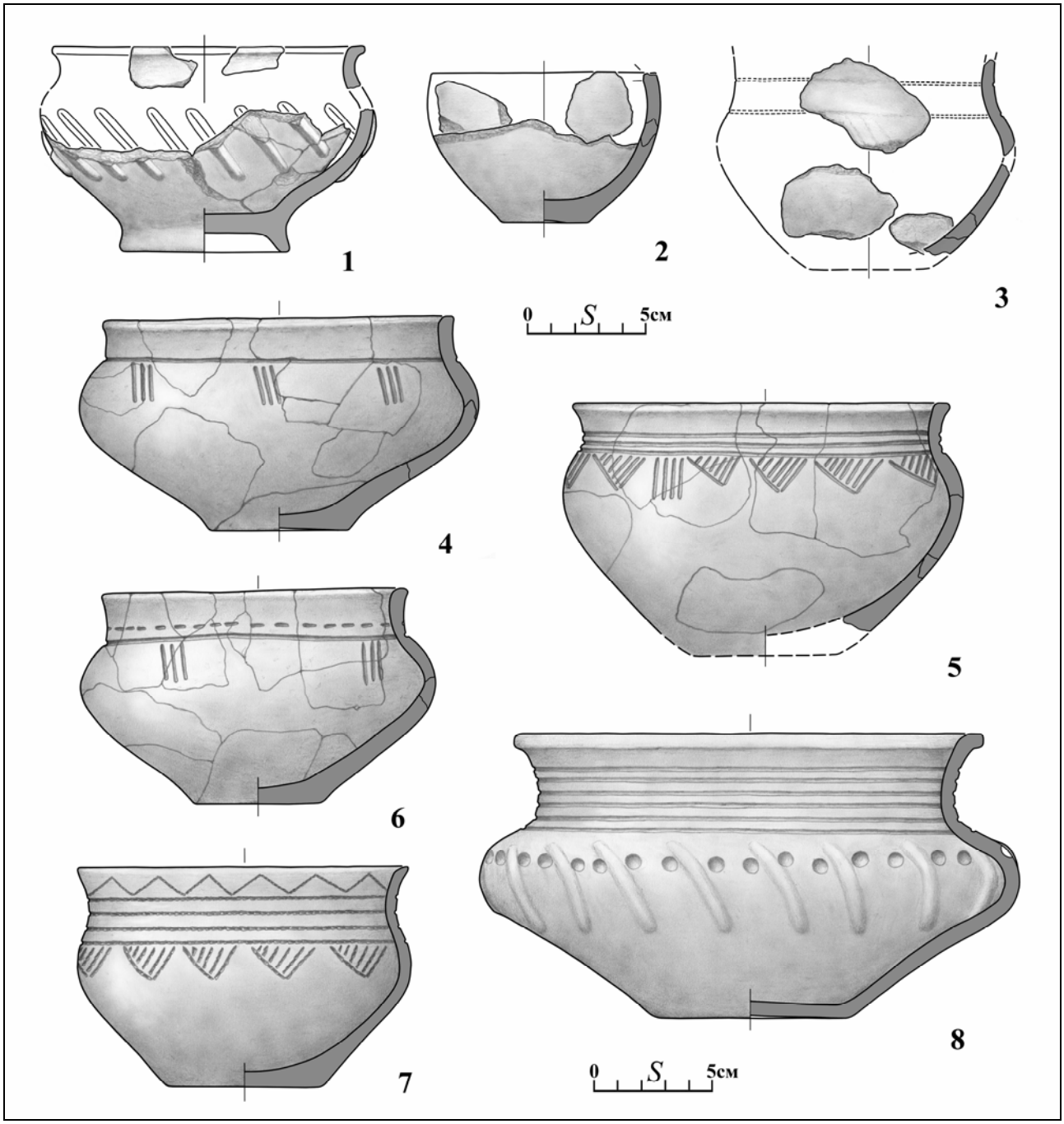

Рис. 18. Буковна, керамические сосуды из кургана № 2 (2012).

Fig. 18. Bukowna, ceramic vessels from the mound No 2 (2012).

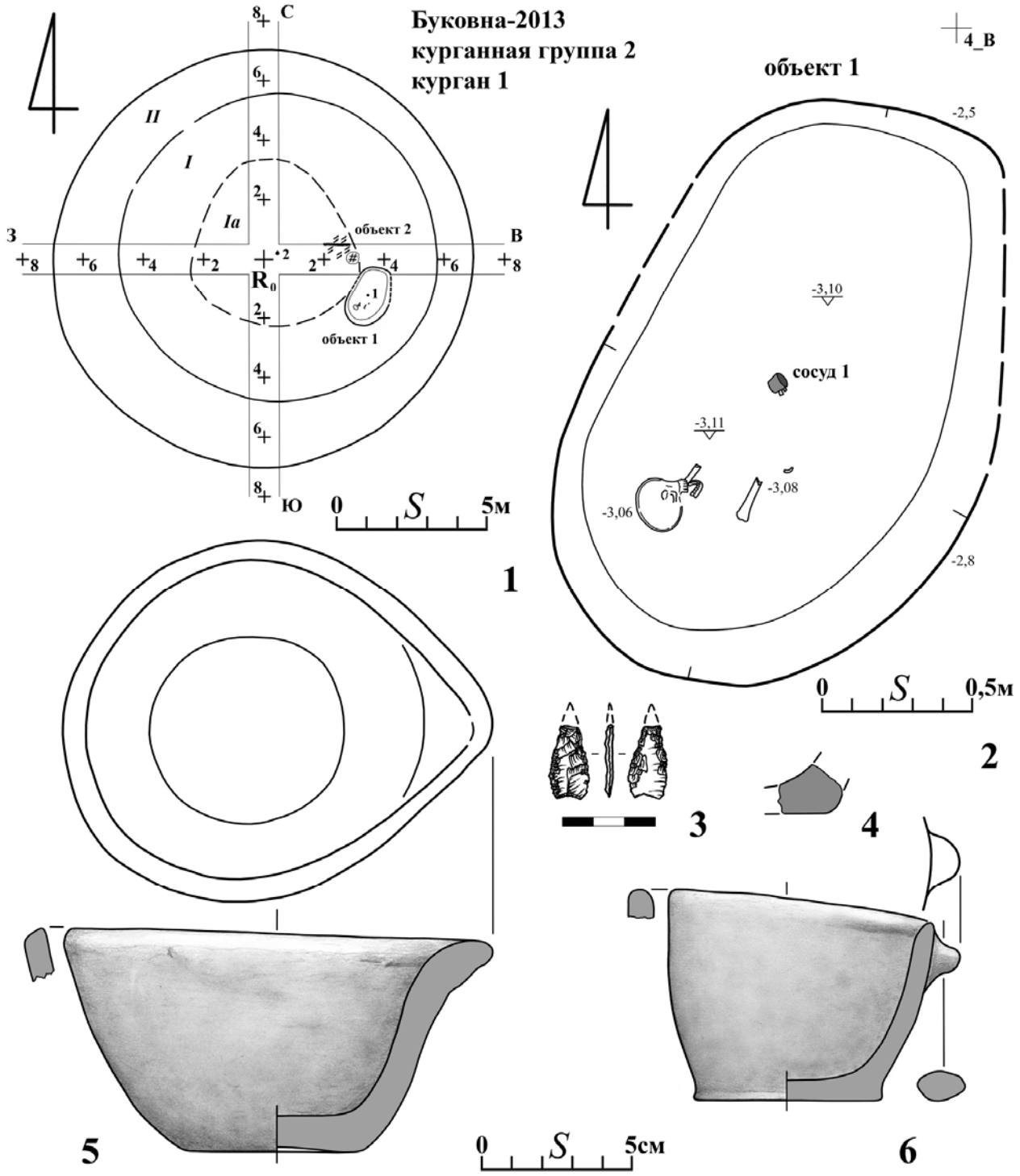

Рис. 19. Буковна, курганная группа № 2, курган № 1 (2013): 1 — план (I — вальковая кладка; Ia — белёсая вальковая кладка; II — песок); 2 — объект № 1; 3 — кремневый наконечник стрелы; 4—6 — керамические сосуды из кургана.

Fig. 19. Bukowna, Kurgan group No 2, mound No 1 (2013): 1 — a plan (I — roller masonry, Ia — whitish roller masonry; II — sand); 2 — object No 1; 3 — flint arrowhead; 4—6 — ceramic vessels from the mound.

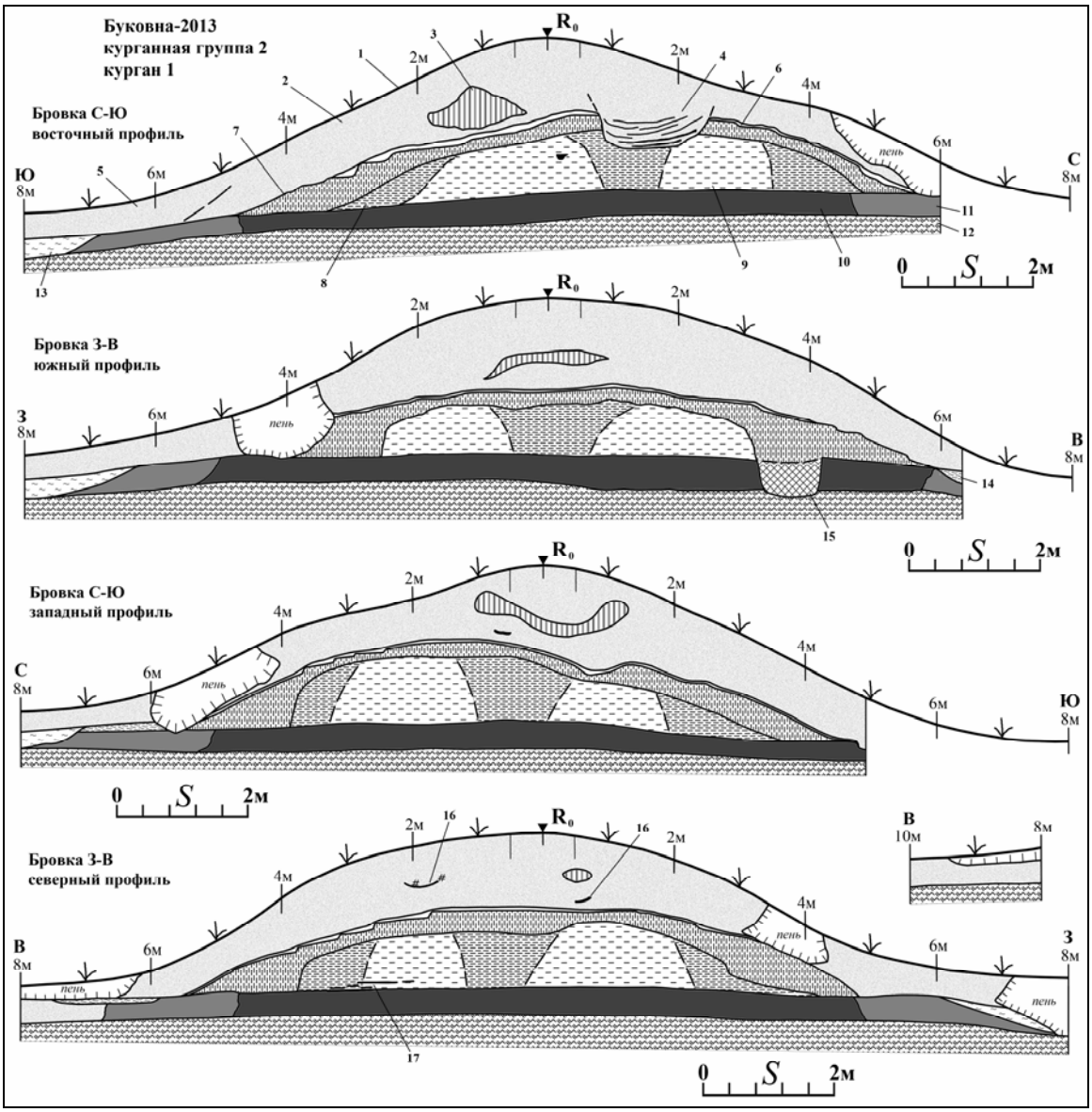

Рис. 20. Буковна, курганная группа № 2, курган № 1 (2013): I — вальковая кладка; Ia — белёсая вальковая кладка; II — песок), профили бровок (1 — дёрн; 2 — жёлтая супесь; 3 — глеистый затёчный суглинок — нора; 4 — окоп Великой Отечественной войны; 5 — желтоватый суглинок за пределами насыпи; 6 — белёсая супесь; 7 — светло-бурая вальковая кладка; 8 — вальки, смешанные с суглинком с незначительным содержанием солей; 9 — вальковая кладка с большим содержанием солей и вкраплениями мелких угольков; 10 — тёмно-бурая погребённая почва с большим количеством кротовин; 11 — бурая почва; 12 — материк — лёсс с чёрными кротовинами в верхней части; 13 — глеистое серое заполнение прикурганной выемки; 14 — серый глей; 15 — гумусированное заполнение объекта №1; 16 — прокал и угольки кострища в окопе; 17 — углистая прослойка и прокал — объект № 2.

Fig. 20. Bukowna, Kurgan group No 2, mound No 1 (2013): I — roller masonry; Ia — whitish roller masonry; II — sand); baulk profiles (1 — turf; 2 — yellow sandy loam; 3 — Glay soil-hole — Hole; 4 — trench of the Great Patriotic War; 5 — yellow loam outside the embankment; 6 — whitish loam; 7 — light brown roller masonry; 8 — paddles, mixed with loam with a low salt content; 9 — roller masonry with a high content of salts and splashes of small embers; 10 — dark brown buried soil with a lot of molehills; 11 — brown soil, 12 — mainland — loess with black at the top of molehills; 13 — Glay gray filling the recess at the mound; 14 — Grey Gley, 15 — humus filling facility No 1; 16 — proc and campfire embers in a trench; 17 — carbonaceous layer and proc — object No 2.

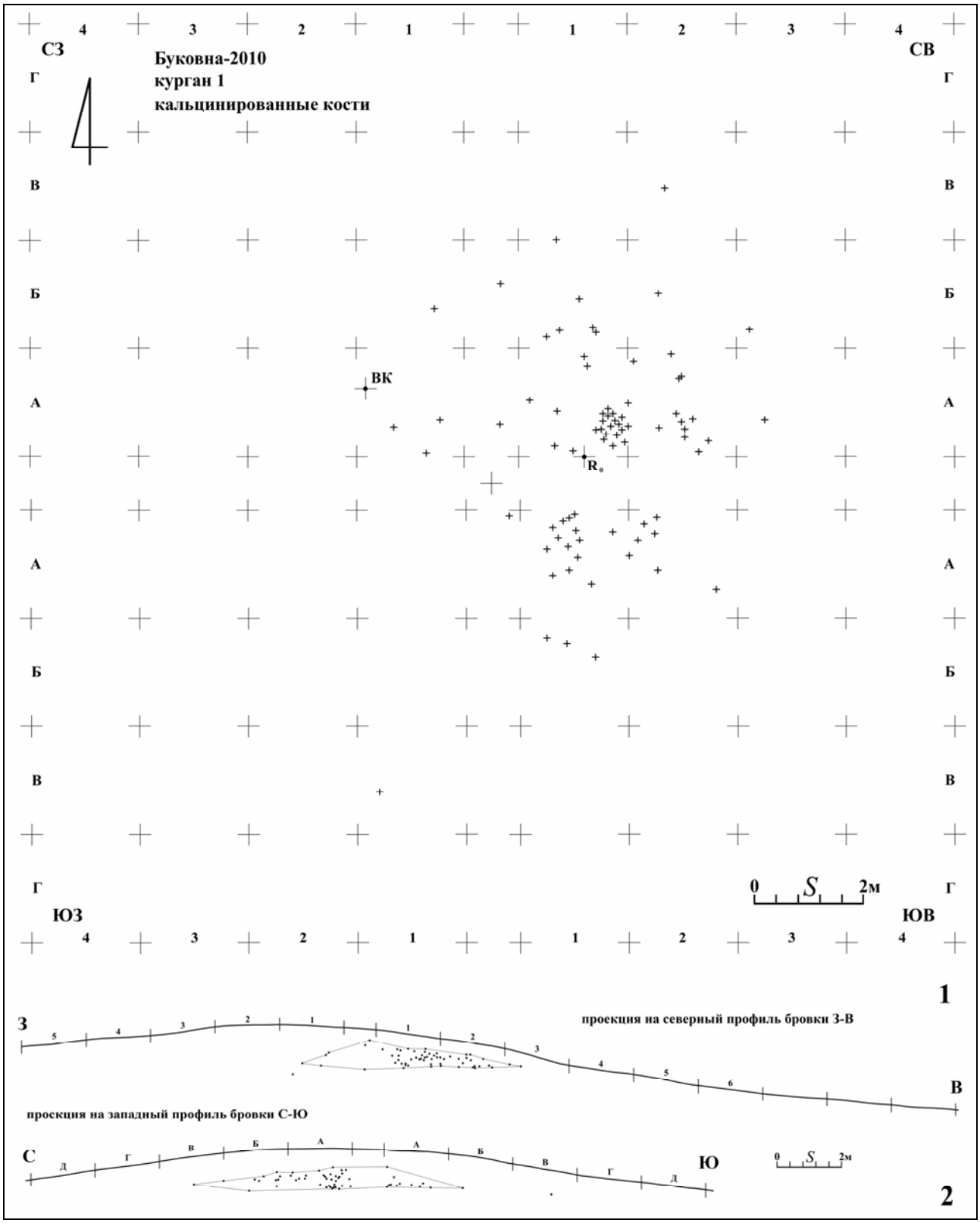

Рис. 21. Буковна, курган № 1 (2010). Концентрация кальцинированных костей: 1 — план; 2 — проекция на бровки.

Fig. 21. Bukowna, mound No 1 (2010). The concentration of calcified bone: 1 — Plan; 2 — projection on the edge.